

Татьяна Нильсен

16+

Жаба в дырке

современный детектив

Татьяна Нильсен

Жаба в дырке

«Автор»

2020

Нильсен Т.

Жаба в дырке / Т. Нильсен — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-99536-9

Хочешь выйти замуж за иностранца? А если не один раз? Получи ответы на вопросы на примере русской девушки, которая неоднократно связывала свою судьбу с заграничными принцами! Здравомыслящих людей сдерживают правовые рамки, но мало кто осведомлён, где они заканчиваются. А что если позволено гораздо больше? Адвокат Ольга Полупанова, по заказу гражданина Германии, пытается найти в большом городе его бывшую жену, чтобы получить свидетельство о разводе. В этот же период случайный свидетель обнаруживает труп мужчины и происходит ряд убийств молодых людей из армянской диаспоры. Следователь приходит к мысли, что убийца выбирает жертвы по национальному признаку, но всё ли так очевидно?

ISBN 978-5-532-99536-9

© Нильсен Т., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Татьяна Нильсен

Жаба в дырке

Глава 1

Поминали по традиции весело, пели песни, частушки со смыслом и даже пускались в пляс. Потом кто-то вспомнил, что Ленка равнодушна к Ваське, а может наоборот, но это уже не играло никакой роли, коль пошла такая пьянка, решили заодно справить свадьбу. Известно откуда появилось поношенное свадебное платье, а кольца образовались из бутылочных пробок. Молодожёны не противились, с радостью поддались общему веселью. Застёжка платья, правда, не сошлась на широкой спине невесты, но это никого не огорчило, включая жениха, а Ленку и подавно. Она сидела, раскрасневшись в центре стола с голой спиной, наполовину прикрытой чёрным бюстгалтером, который напоминал крепления парашюта. Толпа кричала горько, не забывая при этом, что главной причиной сабантуя всё-таки были поминки, поэтому между тостами проскакивали реплики «земля пухом», «лежи спокойно дорогая». В общем, не поминки, а загляденье, могли бы порвать три баяна, если бы кто-то владел таким инструментом. И ведь нашли бы баян! Свадебное платье откуда-то взялось! Периодически причитала и всхлипывала грудастая диетолог Раиса, на неё шикали, чтобы не губила хорошее настроение и только всё та же Ленка уверенным жестом останавливала недовольных:

– Пусть причитает. Раньше на Руси специально плакальщиц на похороны приглашали для усугубления горестной обстановки.

На Раису быстро перестали обращать внимания, а та продолжала горевать о чём-то, о своём, то ли об ускользающей молодости, то ли о несчастной, одинокой жизни. Однако вскоре у диетолога закончился запас слёз и сожалений, Раиса потрянула головой, запястьями приподняла пышную грудь и запела частушки.

По большому счёту, покойную практически никто из присутствующих не знал, но в течение разухабистых поминок, хвалебных речей в её адрес раздавалось немало. Уже находясь на том свете, усопшая, наверно, пожалела, что не покинула этот мир раньше, иначе давно бы поняла, какой чудесной на самом деле была при жизни. Насколько знали присутствующие, покойница и сама устала от тягостного существования, но уйти добровольно ей не позволяла угроза греха. Женщина восьмидесяти лет страдала диабетом, от чего лишилась одной ноги, ещё со временем из-за неподвижности обросла лишним весом. Её дочь, боясь, что приходящие сиделки могут навредить пожилой dame, сама ставила инсулин, готовила диетическую еду, кормила, переносила с инвалидного кресла в ванную, чтобы помыть грузное тело и вывозила на прогулки. О семейных проблемах управляющей ресторанным комбинатом в коллективе знали все и к частым отлучкам относились с пониманием.

Когда старушка прибралась, коллектив соболезновал и в тоже время перешёптывался, мол, отмучилась не только бабуса и её дочь тоже. На день поминок комбинат закрыли на спецобслуживание. С похоронами помогали отзывчивые сотрудники, знали, что поддержать директора в трудную минуту никто не разбежится – муж знатный выпивоха, забил и на больную старушку, и на измученную жену. Дочь проживает где-то в дальних краях, хорошо, если появится к выносу гроба, ведь со слов матери, добираться три дня на оленях ещё на пути и речка вброд. По сути, старушку поминать было некому – её подружки или умерли или состарились до такой степени, что уже не могли передвигаться, поэтому компанию поминальщиков составляли коллеги, хорошие друзья и знакомые самой управляющей.

Как и в каждом коллективе, где бок о бок в большинстве трудятся женщины, случались интриги, склоки и скандалы. Тактичная женщина -руководитель умудрялась гасить конфликт-

ные ситуации, всегда шла навстречу сотрудникам, на что коллектив отвечал ей тем же. Единственное, чего не терпела управляющая, так это нечистоплотности и воровства. И коллектив подобрался порядочный, ну, а для склок между женщинами причины найдутся всегда. Зато в такие моменты горя и праздника, иногда переходящие в горе-праздник сотрудники проявляли солидарность, единодушие и забывали о мелких прошлых распрах.

Она проснулась от головной боли и невероятной жажды. Глаза не открывала, стараясь утихомирить стук в висках. В мыслях всплыли красивые города, узкие старинные улочки, разноцветные зонты уличных кафе. В этот тонкий хрупкий промежуток между сном и явью трудно было разобраться, в какой плоскости действительно витает душа и тело. Где она сейчас, в какой галактике? Глаза разлепились медленно, стряхивая мелкие гирьки с век, и сразу уткнулись в зелёные зрачки, которые, не моргая, внимательно рассматривали её лицо.

– Привет, – она провела по дёснам шершавым языком и потянулась, растягивая затёкшие суставы.

– С добрым утром, – он не двигался, стараясь удержать минуту душевной нежности.

– Я где?

– У меня.

– Где у тебя? – она пошарила руками по телу и с облегчением обнаружила наличие одежды. – Между нами что-то было?

– С ума сошла? – он не шевелился, в глазах запрыгали черти. – Думаешь, я тебя сначала раздел, свершил без ведома несанкционированное вторжение, потом натянул одежду снова? Достаточно сложно и утомительно проделать это с пьяной женщиной. Ну и я, в знак солидарности, не раздевался.

– Ну да, – она облегчённо вздохнула и вдруг подумала, какая разница было или не было, глупо кокетничать в таком возрасте, уже далеко не девочка. Просто погано сексуально распоясываться в пьяном угаре. Потом стыдно вспоминать. Если уж поддаться Амуру, то в лёгком винном подпитии с романтикой и свечами. Она снова прикрыла веки и мысленно вернулась в прошлые воспоминания. Когда-то они любили друг друга, и вот из-за этих зелёных глаз она теряла голову. От прикосновения пальцев мир расцветал весной, и пели птицы. Сейчас возвращаться в ту же реку не имеет смысла, слишком много всего произошло. Она оторвала голову от подушки и потёрла виски. – У тебя есть аспирин?

– Сейчас принесу, – Валентин поднялся, прыгнул несколько раз, разминая затёкшие ноги, потянул джинсы, застегнул рубашку и направился в столовую.

Антонина проводила его глазами. В этом взгляде читалась глубокая тоска, сожаление и разочарование. Она тряхнула головой, прогоняя подступившие слёзы.

«Расчувствовалась! Всегда, как приезжаю в город, подступает ностальгия, – она вздохнула и, потянув свою рубашку, воротником промокнула слезы. – Валентин не изменился, фигура не поплыла, наверное, так же интенсивно занимается спортом, квартира та же, даже обстановка прежняя, – она скинула ноги с кровати и огляделась. – Наверное, с деньгами туго, если старый телевизор не поменял на новый – плазменный».

Валентин зашёл в комнату и словно заполнил собой всё пространство. Он протянул стакан с водой, где пенился шипучий аспирин.

– Я быстро в душ и приготовлю завтрак для нас.

– Как мы встретились вчера? Тебя не было на поминках. Когда ты пришёл? – она тряхнула головой и зажмурилась, утихомиривая молоточки в висках.

– Забыла? – мужчина присел рядом на краешек кровати. – Ты позвонила, рыцарь приехал и забрал тело в непотребном виде.

– Ничего не помню про вчерашний вечер, зато сохранила в памяти твой номер! Странно, правда? – Антонина мелкими глотками отпивала шипучую жидкость. – Ты верен привычкам

и вещам. Не сменил мобильного оператора, мебель всё та же, как и несколько лет назад, – она обвела свободной рукой комнату.

– Номер специально храню, на случай, если понадобится, – он поднялся. – Вот видишь, пригодился. Твой звонок для меня оказался полной неожиданностью. Как ты попала на междусобойчик?

– Пришла навестить бывших коллег, а там траурное мероприятие, переходящее в бурное веселье с плясками и караоке.

– Я слышал, ты вернулась в город, но не думал, что вспомнишь обо мне.

– Сама от себя не ожидала, наверное, давно держала это в голове, а когда мозг перестал контролировать поведение, руки потянулись к телефону, – женщина скинула ноги с кровати. – Чур, я первая в душ, дашь свежее полотенце?

Антонина стояла под струями горячей воды, углубившись в воспоминания, и автоматически маленькими порциями вылиwała на себя ароматный гель для душа, от чего поддон кабины заполнился пеной.

Они встретились в городском спортивно-оздоровительном комплексе. Антонина, окончив трёхмесячные курсы, только-только набрала группу аэробики и ещё не совсем ориентировалась в здании. Как-то по ошибке заглянула в мужскую раздевалку. Мужчины, в отличие от женщин не визжали и не прикрывали лихорадочно наготу, просто провожали девушку взглядом, которая, пряча глаза, искала выход.

– Куда торопишься, детка, – на её пути встал качок в красных трусах. – Оставайся, у нас весело! – мужики смачно заржали, а детина, почувствовав поддержку, двинулся на девушку, оттесняя от дверей. – Не пугайся, мы люди интеллигентные сделаем всё красиво, – он опёрся рукой о шкафчик, а сзади образовалось ещё несколько ухмыляющихся физиономий.

Антонине стало невероятно страшно, словно находилась она не в центре города в здании оздоровительной организации, а в тёмной подворотне. От мужиков пахло потом и похотью. Неожиданно её кто-то выдернул из мужского кольца.

– Эй, хорош на девушку страх нагонять! – сильная рука потянула за локоть. – Пошли, выход покажу!

Она семенила за высоким парнем со спортивной сумкой на плече, еле поспевая за широкими шагами, и в спину бубнила:

– Спасибо большое, извините, что так вышло некрасиво.

– Новенькая? Недавно здесь? – он повернулся, и Антонина увидела приятное лицо и широко расставленные зелёные глаза. – Пошли в буфет, я тебя соком угощу.

Да что мы знаем о любви? После просмотренных фильмов, после прослушанных песен, прочитанных книг? Что мы все вообще знаем о любви, о чувствах, которые словно оголённые электрические провода напрягают покрытое потом тело. Эти двое знали. Только они одни в огромном мире. Не каждому дано испытать счастливые моменты чудесного чувства. Те, кому не повезло, не прощают везунчикам. Мир вообще не справедлив и они это поняли, хотя и не сразу. Через три месяца после знакомства, после букетов, кино, мороженого, поцелуев и объятий Валентин решил познакомить любимую девушку со своей семьёй. Как корить родителей? Они такие, как и все, хотят только самого лучшего для своего ребёнка. И пусть он уже взрослый мужчина, но только отец с матерью знают, что лучше для неразумного дитя. Антонина девушка, бесспорно, хорошая, но какая наследственность может быть у избранницы? Мать сбежала то ли с матросом, то ли с солдатом, когда девочке исполнилось восемь лет, отец продержался недолго, вскоре от тоски и обиды присел на стакан. А ведь трудился механиком на местной птицефабрике, но недолго музыка играла, недолго фраер танцевал, выпивоху терпеть не стали и после очередного загула уволили ко всем чертям! А к подростку прилепилось нелестное прозвище – Тонька с птицефабрики! И что прикажешь с этим делать? Девушка

росла, предоставленная сама себе, как ветер в поле. Родители мальчика не поленились, справки навели! Побаловались молодые люди и хватит! Антонина не пара образованному Валентину. Парень закончил консерваторию, станет знаменитым саксофонистом, уже несколько раз занимал призовые места на различных конкурсах, активно тренируется в спортивном зале, красив, свободно говорит на английском языке. Ну что может дать ему эта девица? Родит детей, как гирями пригвоздит мальчика к себе ответственностью и моралью. Тогда можно поставить жирный крест на карьере, большой сцене, джазе, эстраде и мировой славе. Да рано ещё семьёй обзаводиться. Потом сам спасибо скажет!

И всё же родители не считали себя настолько глупыми, чтобы поступать перпендикулярно и топорно. Мать – заведующая районной поликлиникой, отец председатель городского отдела по здравоохранению при администрации города. Несмотря на то, что сами познакомились и поженились в студенчестве, путь сына видели другим. Хорошо, если он повторит успех влиятельных тенор-саксофонистов Майкла Брекера, Боба Берга или Джо Хендерсона, а если ещё «Грэмми» отхватит тогда вообще все желания стариков будут исполнены! А где строить карьеру, уж никак не в этом городе и даже не в Москве! А там, где околачиваются лучшие саксофонисты мира – в Америке! Вот туда Валентина и надо отправлять, быстро про глупую любовь забудет. Так и сделали. Пара прощалась долго, не могли никак отлепиться друг от друга, пока отец не прикрикнул, что самолёт может улететь без одного пассажира, а вот пассажир через океан без самолёта на другой конец планеты не доберётся. Да и расставание только на год, потом сын приедет в отпуск, а если любовь настоящая, то испытания временем и расстоянием пройдёт! В глубине души мать с отцом наивно полагали, что чувства сойдут к нулю, когда сын попадёт в творческую атмосферу джаза, блюза, встреч, концертов и сейшенов. В тех местах девочки вьются, будь здоров, нечета дочери алкоголика! Валентин парень видный сам роман не закрутит, так его кто-нибудь хомутает, гормоны здорового тела возьмут своё. Всё-таки Америка, страна свободы выбора и лёгких нравов. Не в Солт-Лейк-Сити поехал, где правят пуританские законы мормонов, а в наэлектризованный Нью-Йорк! Однако шли недели и месяцы, а пара общалась по скайпу довольно часто. Этот вариант связи оказался самым дешёвым, потому что несколько минут разговора по телефону хорошенько вытряхивал карман. Минус один – привязка к квартире, где установлен интернет, и большая разница во времени. При всём желании общаться часто, так как они хотели не получалось – когда Антонина возвращалась вечером с работы, Валентин, выпив утренний кофе, шёл по оживлённым улицам Нью-Йорка на очередное прослушивание. Разговаривать получалось только глубокой ночью, в это время глаза девушки слипались, и неумолимо клонило в сон. И всё же когда не получалось поговорить через океан, они писали друг другу письма о любви, о счастье и о будущем. Работа, быт, суета закрутила обоих, они стали меньше видеться и реже писать, но это ничего не значило, главное время бежало, сокращая срок разлуки. Однажды пауза затянулась. Валентин не выходил на связь уже больше недели. Антонина заволновалась, набралась храбрости и позвонила родителям Валентина. Трубку взяла мать и сухо сообщила, что сын с джазовым ансамблем отправился на гастроли по северным штатам, и что по возвращению он женится на американской девушке, а Антонине она по-матерински советует, не копить обиду и идти своей дорогой. Со временем мальчик оформит вид на жительство и останется в США навсегда. Женщина ещё что-то говорила, но Тоня медленно придавила трубкой рычаг.

«Нет, такого не может быть, – девушка ухмыльнулась от такой нелепой мысли. – Валя говорил, что предполагаются гастроли, но женитьба? Он любит меня и никогда не посмотрит на другую женщину! – она не повернулась на голос отца, который канючил на пиво. Жить на одной территории с алкоголиком было невыносимо, несмотря на то, что это родной человек. Она считала часы и минуты, до того момента, когда покинет эту обшарпанную квартиру, вечно пьяного отца и эту пропахшую дешёвым табаком жизнь. Неожиданно внутренний голос изменил своё мнение. – А может и встретил кого-нибудь? Решил трусливо спрятаться за материн-

скую спину. Как же, не посмотрит на другую! Там такие красотки, раскованные, с татуажем на бровях, наращенными локонами, ресницами и пышными грудями! Нет! Не может быть! – мысли снова переметнулись на другую сторону. – Надо ждать, нельзя вот так сдаваться. С первой встречи стало заметно, что матери я не ко двору, специально наговаривает, хочет нас разлучить! В любом случае, Валентин должен мне сказать об этом сам!»

Несколько дней Антонина плохо спала, ночью подсакивала, каждые полчаса, нажимала кнопки на компьютере и в напряжении прислушивалась к электронным, пузырящимся звукам скайпа. Молчание заокеанской страны сводило с ума. Заоблачный замок рушился на глазах, карета превращалась в тыкву, а вместо воздушного платья, ветер трепал старые обноски. Через пять дней после телефонного разговора, в почтовом ящике Тоня обнаружила конверт без обратного адреса, оторвав трясущимися пальцами край, вынула несколько фотографий, на каких с ужасом рассмотрела своего возлюбленного в обнимку с красивой девушкой. Собственно пара особенно не позировала и не меняла позу, это фотограф запечатлел их с разных ракурсов. На шее мужчины висел гайтан – специальный ремень для саксофона, правой рукой он обнимал талию девушки, а пальцы левой руки сжимали музыкальный инструмент.

В душном, грязном подъезде стоял запах старой проросшей картошки, с верхнего этажа спускалось кислое амбре тушёной капусты. Девушка держала в руках снимки и до неё доходила мысль, неуклонная, как танк, что дверь в ту жизнь захлопнулась. Никогда она не вырвется из пыльного подъезда, не избавится от смрада дешёвого табака, алкоголика отца и вечной нужды.

«Вот и всё! – слёзы капали на снимки, расплываясь мутными каплями. Антонина больно разрывала эту, некогда чуткую и нежную связь. – Как теперь жить дальше!»

Горячая волна обиды заполнила грудную клетку, стало душно и, казалось, дыхание вот-вот остановится. Тоня выскочила на улицу и схватила ртом воздух. Шёл дождь, вода в лужах пузырилась от падающих капель. Не к месту выскочила картинка из детства, когда они были ещё счастливой семьёй. Она с родителями возвращалась из кино, неожиданно налетели тучи, и грянул ливень. Мама с папой побежали, держа девочку за руки. Они поднимали дочь, как лягушонка переноса через потоки воды. Тонечка хохотала, прижимая к себе коленки, а лужи становились всё больше, ножки уставали, она болтала ими в воздухе и всё равно набрала в сандалики воды и забрызгала гольфы. В каком-то дворе уже совсем вымокшие родители нырнули под козырёк подъезда. Тонечке казалось, что стояли они очень долго, она замёрзла, захныкала и потянула отца за руку. Он же сильный, пусть посадит на одну руку маму, на другую её и принесёт домой в тёплую сухую квартиру, где чай и уютное одеяло. Родители смеялись, а отец уговаривал ещё подождать. Девочка капризничала, топала ножками, пытаясь выяснить, когда же прекратится противный ливень. Неожиданно папа поменял своё мнение:

– Ну, что девочки, перебежками домой!

– Может, ещё подождём, – мать оттягивала тяжёлый от воды подол платья и, раздувая его как парус, тщетно пыталась высушить.

– Придётся до ночи стоять. Если капли над лужей образуют пузыри, значит, ливень надолго.

– Сомнительное наблюдение, – хмыкнула мать, последний раз тряхнула цветастой тканью и шагнула под струи. – Побежали!

От воспоминаний безутешность Антонины разлилась без границ. Она смотрела на пузыри, которые заставляли лужи закипать, и поняла, что на её улице дождь не кончится никогда. Она не горевала так, когда из жизни исчезла мать, потому что родительница растворилась как-то постепенно. Сначала отец говорил, что мать уехала в командировку, потом, что задерживается по важным делам, дальше ещё какая-то ерунда, а уже когда стал крепко выпивать, в пьяных бреднях лил слёзы и матерными словами понуждал предательницу жену.

Тоня не вытирала слёз, они смешались с дождём, бумага намокла, светлый конверт скукожился и завял в руке. Она на мелкие кусочки разорвала послание и бросила в лужу, долго бро-

дила по улицам города, не замечая холода. Вернулась домой, когда губы посинели и тело кололо в ознобе. Девушка слегла с тяжёлой пневмонией на несколько месяцев. Сначала лежала дома. Отец даже употреблять прекратил ненадолго, поил чаем и давал аспирин с парацетамолом, а когда понял, что самому дочь не поднять, вызвал скорую помощь. Этот май девушка запомнила навсегда! Из больницы Тоня вернулась другим человеком. Она замкнулась, перестала удивляться жизни, а в душе поселилось равнодушие к происходящему. Отец быстро возобновил прежние отношения с алкоголем, продолжил мило пьянствовать и вытягивать деньги. Однажды после тренировки Антонина встретила качка, она не сразу вспомнила парня, который когда-то напугал в мужской раздевалке. Без радости и страсти закрутился роман. Даже романом эти отношения назвать не поворачивался язык, так потёрлись несколько дней возле подъезда без вздохов, поцелуев, конфет и цветов. Когда Виталик Чашин сделал предложение, девушка апатично согласилась. Он привёл её на съёмную жилплощадь. После прокуренной и облезлой квартиры, где она проживала с отцом, апартаменты показались хоромами. В какой-то момент Антонина оттаяла, лёгкий ветерок всколыхнул душу, и появилась надежда, что теперь у неё будет свой дом и семья. Девушка с вдохновением принялась обустраивать новое жилище, бегала по магазинам в поисках подходящих обоев, новой посуды и лёгкой ткани на шторы. С мужем притирались не просто. Он не являлся человеком тонкой душевной организации и не отличался чуткостью.

«Конечно, парень с саксофоном угадывал любую тональность в настроении, – кривилась про себя Антонина, незаметно наблюдая, как Виталий, широко открыв рот, выковыривает из зубов крошки. – Только был да сплыл артист задрипанный! Чашин истукан знатный, зато не жадный, ничего, обещу, – и сама мысленно себе перечила. – Исправлю, если получится! Чего стоят его совсем не смешные шутки, над которыми сам и потешается».

На работе дела тоже пошли на лад. Директор спортивного комплекса предложил создать и возглавить клуб чирлидинга. Тоня понятия не имела, что это такое, во всяком случае, смешное название ей ни о чём не говорило. Директор тоже весьма смутно представлял, что это за спорт и можно ли попрыгушки назвать спортом.

– Ты фильмы посмотри, интернет полистай, – пожилой администратор по-отечески наставлял девушку. – Сейчас, знаешь, на какие соревнования не появишься, везде полуголые девки с вениками прыгают и ноги задирают, – директор конфузливо усмехнулся. – Ну, красиво, задорно получается! Через два месяца нам принимать областной чемпионат по волейболу. Справишься за это время? Я премию подкину!

– Попробую, – Антонина не спешила обнадёживать руководителя, порывшись в памяти, поняла, о чём идёт речь. – Наверное, специальные костюмы понадобятся и веники тоже. Кстати они помпонами называются.

– А я слышал пипидастры, – мужчина хмыкнул в кулак. – В общем, разницы нет. Ты приступай немедленно! Обещаю всякую финансовую поддержку!

Девушка накупила дисков и несколько дней пересматривала различные фильмы. Особенно её вдохновили картины «Вперёд! Глобальное состязание чирлидеров», «Добейся успеха: Борись до конца» и «Адские кошки». Примерно стало понятно, что это за род деятельности и куда двигаться дальше. В её видении, считать чирлидерство видом спорта, как-то не получалось! Так разукрашка перед соревнованиями и во время перерывов, шоу на разогреве у известных исполнителей. Однако, приступив к работе, Замятина поняла, что за внешней лёгкостью стоит огромный труд. Через два месяца коллектив девушек в коротких юбочках топал ножками, в предвкушении собственной славы. И действительно, со временем слава пришла. Участниц из группы поддержки стали узнавать в городе, а желающие вступить в команду чирлидинга выстроились в очередь. Директор не обманул, поднял Антонине зарплату и стал таскать коллектив по всем областным и городским чемпионатам и соревнованиям. И, конечно, возле стайки красивых юных девушек, как правило, отираются юноши, мужчины и дяденьки

разного возраста и достатка. Вот на этой почве и начались разногласия в молодой семье. Виталик сначала упрекал жену, потом начались скандалы, а когда Чашин занялся рукоприкладством, наступил конец. Пару раз Тоня замазывала синяки, и оправдывала мужа такой чушью, типа бьёт, значит, любит, но в какой-то момент не выдержала, собрала вещи и вернулась, в забитую пустыми бутылками, отцовскую квартиру. А уж как обрадовался отец внезапному возвращению не передать! Он знал, что дочь не даст помереть от похмельного сушняка, уж чего-чего, а на бутылку пива найдётся всегда! Антонина подала на развод, но фамилию не поменяла, так и осталась Чащиной. Семья закончилась, просуществовав чуть больше года. Вечерами, наблюдая за опустившимся родителем, свербил мысли о невозможности такого существования. Эксперимент с замужеством не удался, не стоит больше повторять, на работе дела относительно идут неплохо, но выше планки областных соревнований не подняться – уровень муниципальной спортивной организации не тот и жить с пьяницей на одной территории просто погибель! Надо что-то менять! Чашина подала заявление на расчёт. К слову сказать, в спорт-комплексе её особенно не держали, желающих встать на раскрученное место набрался вагон и маленькая тележка.

«Да и хрен с вами!» – Тоня без сожаления махнула на всё рукой и отправилась в столицу.

От мыслей о прошлом Антонину отвлекла пена, которая уже лезла из всех щелей душевой кабины. Она сбила струями мыльную вату, закрыла кран, вышла из душа, выпустив облако пара. Чашина укуталась в полотенце и, повернувшись, уткнулась в грудь Валентина.

– Испугал. Не слышала, как ты вошёл.

Мужчина, ни слова не говоря, обнял её и зарылся губами во влажные волосы. Тоня тоже молчала, боясь спугнуть момент нежности. Словно не пролетели годы, не свершились события, изменившие их жизни. Антонина так и не узнала, что на роковой фотографии она видела Валентина не с невестой, как преподнесла сердобольная мать, а с солисткой из джазового ансамбля. Снял их фотограф после выступления в клубе, где коллеги презентовали собственный проект. Она не знала, что после бурной вечеринки по поводу успешного выступления, Валентин попал в автомобильную аварию и несколько дней провёл в клинике. Пострадал саксофонист не особенно, долго в медицинском учреждении иностранца без страховки держать не стали. Однако дни, проведённые на больничной койке, подточили финансовое положение Жаворонкова, он на какой-то период остался без денег и средства связи, чем и воспользовалась мать. Вместе с деньгами от родителей, Валентин получил фотографии своей возлюбленной в свадебном наряде. В этот раз мамаша не поленилась, в социальных сетях обнаружила снимки с торжества, которые в огромном количестве выложил на своей странице Чашин, и поспешила закончить с ненужной любовью сына. Только мать даже не подозревала, что, поставив точку в романе, она закрыла все творческие шлюзы. Валентин перестал парить, к саксофону подходил без удовольствия и энтузиазма. Он ещё два года скитался по Америке, без азарта, скучно и лениво отбывал срок в джазовых ансамблях нескольких штатов, пока режим и гастрольный график совсем не надоели. В итоге пристроился в заштатный кабачок, где по ночам лабал с душой всё что хотел, подогревая себя алкоголем и иногда лёгкими наркотиками. В одно дождливое утро Валентин проснулся с тяжёлой головой от выпитого накануне, долго лежал в постели и размышлял. Несмотря на алкогольную тяжесть, мысли летели безмятежно и легко. Пришло ясное понимание – грядёт безрадостное будущее, пьянство, съёмные, маленькие квартирки, второсортные рестораны, и уже не светят эстрадные подмостки, овации, восторг зрителей, а уж тем более премия «Грэмми». Ещё к переменам подтолкнула болезнь отца, о которой в одном письме вскользь упомянула мать. В тот момент, когда Америка сметала с прилавков рождественских распродаж товары, Валентин, сел на самолёт и отправился на родину. Его никто не ждал, никто не встречал, а самым дорогим в его багаже был саксофон. В первую минуту родители не знали, то ли радоваться, что сын вернулся, то ли печалиться от того, что на пути к славе встали непроходимые дебри и заторы в виде лени и отсутствия всяческих желаний.

Немного отдохнув, Валентин устроился во Дворец творчества, набрал небольшую группу ребят и начал обучать исполнительскому мастерству, а вечерами развлекал публику в самом известном областном ресторане. Вскоре до него дошли слухи, что Тоня развелась с мужем и уехала из города. И Антонина из телефонных разговоров с подружками узнала, что Жаворонков вернулся из штатов, и считается завидным женихом в городе, потому что родители переехали в загородный дом, оставив сыну роскошную квартиру в центре города. Однако эта информация не всколыхнула душу, осталось только выжженное поле прежних чувств. И вообще у Чащиной были другие планы на жизнь. Нельзя дважды войти в одну и ту же воду.

Они стояли в душной ванной, не считая времени. Валентин отстранился и посмотрел в глаза женщины.

– Только скажи, ради тебя я готов на любой безумный поступок!

– Я могу пожить у тебя какое-то время? Остановилась у приятельницы, там не совсем удобно.

– Поехали за вещами.

– Не надо, я возьму такси.

Глава 2

Аристархов Степан Евгеньевич сидел в пустом кабинете в глубокой задумчивости. За окном замаячил рассвет, и следователь облегчённо вздохнул – скоро домой. Он двое суток дежурил по управлению и неимоверно устал. Первое дежурство отработывал, как долг, как-то просил подменить коллегу, потому что возил сына на рыбалку. Вот настало время расчёта, а следом по графику его сутки.

Они столкнулись в коридоре управления, Степан коротко кивнул в знак приветствия и двинулся дальше, но младший следователь Колышкин уцепил его за локоть:

– Степан Евгеньевич, семнадцатого отработаешь должок?

– Семнадцатого? – переспросил следователь и закатил глаза, вспоминая, что восемнадцатого его дежурство. – Послушай, Саша, двое суток подряд на ногах, да я же кони задвину! Уже не мальчик, дело к пятидесяти идёт!

– Не прибедайся, – Александр Колышкин хлопнул приятеля по плечу, огляделся и потянул к окну. – Ты, как тот Карлсон, в самом расцвете сил! Понимаешь, мне надо позарез! У жены юбилей, гостей навалит со всей округи! Вообще, я бы отдежурил, но факт, надерусь! – мужчина поднял палец и перешёл на шёпот. – Ненароком пьяного, заметит начальство, влепит выговор, лишит премии, понизит в звании! Ты под монастырь меня хочешь подвести?

– Нет, что ты, – махнул рукой Аристархов, освободил руку от цепких пальцев товарища, направился к кабинету и кинул через плечо. – Выйду, не бзди!

– А ты, небось, зазнобу завёл? – Колышкин направился следом. – Не хочешь одну надолго покидать? Ох, как понимаю, была у меня одна, ночи напролёт глаз не смыкал!

– Какую зазнобу? – Аристархов резко остановился, от чего приятель неожиданно налетел на него сзади. – У тебя двое детей жена красавица, дом полная чаша, а ты всё о бабах и адюльтерах грезишь! – Степан неожиданно для себя разозлился. – У меня сын тринадцати лет, возраст переходный, как его оставить на две ночи одного без присмотра! Это у тебя бабки, дедки, а мы здесь люди новые, ни родственников, ни друзей, даже соседей толком не знаем. Вырастет мой Петюня и спросит, где ты был папка, когда я в тебе нуждался, а я отвечу, преступников ловил! Только преступники никогда не закончатся, они всегда были, есть и будут, а сын у меня один!

– Ну, завёлся с пол оборота! – обиделся Колышкин. – Не можешь, разговоров ноль, попрошу кого-нибудь, – крупный полицейский перевалился с ноги на ногу и смягчился в голосе. – А про баб, это так, шутка!

– Считаю, я твой юмор не слышал. Ничего нет важнее семьи. С чужой женщиной хорошо одну ночь, а со своей женой всю жизнь, – Аристархов перехватил скисший взгляд товарища и убрал менторскую интонацию. – Не обижайся, конечно, отработаю, – примирительно кивнул Степан Евгеньевич. – Душа за пацана болит, никак общий язык найти не можем.

– Да и ты не думай, про баб, я так сболтнул, когда это было, ещё до женитьбы.

Степан Евгеньевич хлопнул коллегу по плечу и, прекращая дальнейшие разговоры, нажал на ручку двери кабинета, возле которого шёл диалог. Аристархов знал, что в Управлении многие в курсе его жизненной истории. Да и как тут не быть в курсе, когда о вопиющем случае талдычили все средства массовой информации не только небольшого города, но и всей области. Несколько лет назад его жену нашли жестоко истерзанной на одной сомнительной квартире. Многие сокрушались, выражали сочувствие мужу и сыну, который в нежном возрасте лишился одного из родителей. Только мало кто знал, а многие подробности вообще остались за кадром, и не стали достоянием газетчиков и общественности. Жена Степана Лауренсия имела корни то ли испанские, то ли португальские, то ли эти щупальца проросли на российской земле из Латинской Америки. Уже после похорон Аристархов пытался разобраться в родословной

и выяснил, что тридцать лет назад молодая студентка забеременела от жгучего иностранного сокурсника. Жениться потомок конкистадоров категорически отказался, а девушка уехала в небольшой провинциальный городок, чтобы скрыться от кривотолков. Там и родила девочку. Понимая, что студентке одной ребёнка не поднять, а родители, узнав о сложном положении, могут просто на порог не пустить, написала отказ. А вот имя дала характерное – Лауренсия, наверное, в память о пламенной любви. Девочка воспитывалась в детском доме, несколько раз её пытались взять в семью, но через время возвращали назад без объяснений. Характер девушка имела своенравный, несколько раз попадала в поле зрения полиции, вот там Аристархов и встретил девушку с необычной, яркой внешностью. Какое-то время он присматривал за ней, а потом сделал предложение. Старики Аристарховы рвали немногочисленные волосы на голове, и слёзно умоляли сына не разрушать собственную жизнь, а Степан в тот момент был уверен, что с любовью можно построить дом, родить сына и посадить дерево. Так и было сначала – ему, как молодожёну дали служебную квартиру, вскоре родился Петя, а уж сколько деревьев молодой отец пересадил и не сосчитать. Как только сына оформили в детский сад, началась свистопляска. Закипела испанско-португальская кровь, запросилась на волю. Работать Лауренсия не желала, хотела рестораны, выпивку, мужчин и свободную любовь. Так и покатилась молодая мамаша колбаской по наклонной. Что только не делал Степан в отчаянии и попытках сохранить, на глазах разрушающуюся семью – и запирал жену дома, и прятал телефоны, и брал отпуск без содержания, чтобы контролировать каждый шаг женщины, и бил. Сам плакал и бил, не больно, но так чтобы было ей обидно, чтобы прочувствовала негодяйка, как от её поведения страдает семья. Только Лауренсия молчала, размазывала слёзы и сверкала злобно карими глазами, держалась с неделю, а потом пускалась во все тяжкие с новыми силами. Так и жили в каком-то безумии и в вечной борьбе. Дело шло к разводу, но женщина предупредила, что сына Петю муж больше не увидит, а этого Аристархов допустить не мог! Этот душевный нарыв натягивал кожу и мешал дышать. Неизвестно, чем бы всё закончилось, но ранним утром в Управлении раздался звонок, женский голос сообщил, что в соседней квартире происходит драка, слышны вопли и крики. По адресу отправился участковый и вскоре сообщил, чтобы на место приезжала следственная бригада, потому что на квартире обнаружен труп женщины. Вот так Аристархов и обозрел собственную жену в виде совершенно непотребном и окончательно мёртвом. Голое, истерзанное тело лежало на широкой кровати, вокруг валялись шприцы от инъекций и бутылки из-под алкоголя. Как только выяснилась родственная связь, Степана отстранили от дела, в какой-то момент он тоже попал под подозрение, так как всплыли некоторые подробности их сложной жизни и предполагаемого развода. Через месяц нашли настоящего убийцу. Им оказался торговец наркотиками, дядя сомнительный, вроде местного пахана. Что не поделили, и на почве чего произошла трагедия, Степана Евгеньевича уже не интересовало. Неожиданно словно что-то захлопнулось в душе, он простил жену, словно женщина смертью окупала собственные грехи. Сыну Аристархов рассказал историю о том, что его мать, замечательная женщина, стала жертвой грабителей, отбивалась до последних сил, пока дух не вышел из неё! И последним, предсмертным словом было имя Петя. Мальчик горевал, плакал, но постепенно рана затянулась, а вот Степану казалось, что он слышит насмешки за спиной. Он чувствовал себя неуютно, всё время хотелось оправдаться неизвестно зачем и не понятно за что. Аристархов подал рапорт о переводе в другой город, а желательно в другой регион.

Следователь попал в крупный областной центр недалеко от Москвы. На деньги, которые выручил от продажи квартиры, приобрёл домик на окраине, оформил сына в школу, а сам вступил в новую трудовую жизнь. Кажется, что коллективы в полицейских Управлениях везде одинаковые. По структуре почти не отличаются, а табель о рангах и подчинении вовсе один и тот же, однако в небольшом провинциальном городе люди знали друг друга, ходили в гости, выпивали и на праздники собирались шумными компаниями. Полицейских побаива-

лись и уважали. А в большом городе многое оказалось другим – все коллеги, здравствуйте – до свидания, не более того. Заводить дружеские тёплые связи никто не стремился, вот этого и хотел Аристархов. Он даже боялся, что за рюмкой расквасится, и полезут из него откровения. Зачем и кому это интересно? Дружеские отношения, взаимопомощь на расстоянии то, что нужно. В коллективе приняли с добром, выделили стол в кабинете, и Степан быстро влился в знакомую работу. А вот сын в новом школьном сообществе приживался непросто. Иногда домой приходил битый, с синяками и в рубашках с оторванными рукавами. Классная руководительница сетовала, что парень с характером, тяжело идёт на уступки, и не находит общий язык с одноклассниками. Аристархов слушал, не перебивая, пожилую женщину и качал головой. Он понимал, что характер мальчик унаследовал от матери и уже с этим ничего не поделать, как говорить – гены пальцем не раздавишь! Ну, не бить же его? И всё же, когда мальчишка доводил его до предела, приходилось по-волчьи скалиться и браться за ремень.

Вот и сейчас, встречая рассвет в пустом кабинете, Аристархов глухо волновался, как бы отпрыск не выкинул чего-нибудь в отсутствие родителя. Запах табака Степан Евгеньевич уже от сына чувствовал, ругался, увещевал и призывал к здоровому образу жизни. Через несколько дней Петя записался в секцию бокса и смрадные табачные запахи больше не витали, но удержится ли он там? Степан вздохнул. В спарринге получит по кумполу пару раз, разочаруется и бросит бокс к чертям. Сможет ли мальчишка держать удар? Или как его мать, пойдёт навстречу празднику и удовольствиям. Страшно, если заведёт дружбу с наркотой! Тогда пиши – пропало! Вот о чём волновался следователь, поглядывая на часы. Он отключил компьютер, поднялся, сложил аккуратно бумаги, запер их в сейфе, потянулся и вздрогнул от резкого телефонного звонка.

Зима выдалась мягкая и малоснежная, иногда даже шли дожди, от чего дороги сначала развозило жидкой кашей, а к вечеру ледяная неровная корка покрывала асфальтовый настил. К месту происшествия полицейская машина подъехать не могла из-за невысоких сугробов, поэтому по парковой аллее Аристархов шёл осторожно, хрустя наледью. Только-только начало светать, постепенно фонарный жёлтый свет стал блекнуть в поднимающемся солнечном величии. Он присматривался к дороге, в какой-то момент поскользнулся, замахал руками, балансируя на одной ноге и чуть было не завалился в сугроб, но чья-то рука уцепила за локоть. Следователь оглянулся и, в который раз, восхитился выражению знакомого лица. Криминалист Зоя Провоторова обладала незаурядной внешностью. Её синие, широко расставленные на скуластом лице глаза, всё время смеялись. Женщина осматривала окровавленный труп, а в зрачках мелькали смешинки, наклонялась над истерзанной плотью, а глаза предательски веселились. Сначала Степана шокировало легкомысленное поведение при такой ответственной работе, но со временем, как и остальные коллеги, привык и даже проникся глубокой симпатией к молодой незамужней женщине, потому что понял – глаза на лице криминалиста жили отдельной, самостоятельной жизнью. После трагической смерти жены, Аристархов закрыл для себя женскую тему, и всё же последнее время часто ловил себя на мысли, что его тянет с головой окунуться в безмолвный смех. Да и хозяйка в доме не помешала бы, шалопаю Петьке не только жёсткая рука нужна, но душевное тепло. Степан искусственно закашлял и спрятал глаза, чтобы женщина не прочитала неуместную радость от встречи:

– Доброе утро Зоя, – следователь высвободил локоть. – Вы только приехали?

– Для кого-то доброе, а для кого-то не очень! – голос женщины звучал строго, несмотря на праздник в глазах. – Я уже осмотрела труп, но кое-что забыла и решила вернуться.

– Кто там?

– Труп мужчины лет пятидесяти, задушен бечёвкой, убит здесь же в парке. Смерть наступила около семи часов назад, примерно в двенадцать ночи. Ему могли назначить встречу и

расправиться. По всем признакам, сопротивления не оказывал, одежда не порвана, вероятно, не ожидал вероломного нападения.

Аристархов хмыкнул:

– Высокопарно выражаетесь, Зоя Александровна.

– Литературно, – теперь и губы криминалиста растянулись в улыбке. – В нашей грязной работе немного поэтичности не помешает. Кстати, на мужике хорошая одежда, не с китайского рынка. На руках лайковые перчатки. Ночью температура опускалась до минус десяти градусов. Пальцы под удавку подсунуть не успел, верёвку стянули сзади с силой и быстро.

– Считаете труп из нашей серии?

– Очень похоже, но утверждать пока рано. Документов при покойном не обнаружено.

– А внешние признаки?

– Не блондин, лицо смуглое, волосы тёмные.

Аристархов замолчал, продолжил путь, хрустя льдинками, в глубокой задумчивости.

В городе насчитывалась многочисленная армянская диаспора. Представители этой национальности как-то незаметно проникли во все структуры. Сначала подмяли под себя хлебо-завод. Слово «подмяли» употребляли местные жители со скрытой злобой. На самом деле, от завода остались рожки да ножки и несущие стены. Ашот Ашанян по бросовой цене в эпоху тотальной приватизации купил руины, а землю взял у города в аренду на тридцать лет. Постепенно перетянул из солнечной Армении многочисленных родственников, друзей и знакомых, с их помощью восстановил здание, закупил оборудование и начал печь хлеб, булки, бублики, батоны и пироги. Технология политического восхождения Ашота Саркисовича оказалась проста и в то же время эффективна. В районе, где находился завод предприниматель начал медленно, но верно завоёвывать популярность. В трудные перестроечные времена, он раздавал малоимущим, многодетным и пенсионерам бесплатно хлеб, одалживал под расписки или под отработку небольшие суммы. Когда пришло время предвыборной кампании, выдвинул свою кандидатуру на депутатское место от района. В день выборов развернул шатёр с дармовой выпивкой и закуской, запустил дискотеку и потирал руки в ожидании результата. И кто бы сомневался, за кого проголосуют старики, считающие каждую копейку в кошельке? Победа оказалась предсказуемой. Заняв кресло депутата, он не стал почивать на мелких лаврах и политику по отношению к сирым и убогим не изменил, также одалживал деньги и не жалея раздавал хлеб. После выборов предприимчивый армянин развернул бурную деятельность, каким-то образом взял под свой контроль строительство и ремонт городских дорог, так же активно включился в возведение муниципального жилья. Деньги в карман бизнесмена потекли рекой. Асфальт укладывали с такими нарушениями, что приходилось ямы ремонтировать по нескольку раз в год, и дома для сирот строили, словно из картонных коробок для сигаретных блоков. Думающий народ понимал, что без поддержки местных властей Ашанян такое бы не провернул, значит, откаты давал, кому надо! Вскоре в городе на месте полуразрушенной столовой появился ресторан, а в брошенном здании старой больницы деловой центр с фонтанами, банкетными и залами для переговоров. Ашот, не жалея языка направо и налево раздавал обещания, интервью и вкладывал средства в благотворительность. Во всяком случае, об актах невиданной щедрости, брызгая слюной, вещали местные радиостанции и телевизионный канал. Мало кто знал, что широта армянской души знает рамки и границы. Разве это благотворительность три коробки печенья в дом ветеранов ко Дню пожилого человека или ксерокс в Дом малютки, уж тем более электрический чайник к юбилею Дворца культуры? Однако руководители этих учреждений не жаловались, потому что получали щедрые вознаграждения, от этого нахваливали Ашаняна на всех перекрёстках, включая местные и областные средства массовой информации. На руководящие посты в локальной индустриальной организации предприниматель назначал только своих, проверенных, тех, кого перетянул из Армении с семьями, детьми и стариками. Они не предадут, служить будут верно, и будут

руки целовать благодетелю. Местных нанимал на черновые работы, платил мало и обкладывал штрафами за провинности. Жители города его невзлюбили, кроме тех, кто ещё помнил его хлебные подачки. Однако амбиции Ашота Саркисовича росли, как на дрожжах, и он не собирался останавливаться на достигнутом. Подходило время выборов в городскую мэрию. Бизнесмен уже находился на низком старте, заготовил ворох бумажек с обещаниями, о его великих свершениях вещал каждый утюг и вот тут произошёл сбой. Толком никто ничего не знал, но многие догадывались, что где-то наверху Ашаняну объяснили, что, ни при каких условиях армянин не станет руководителем российского областного центра. Так сказать указали на место! Как пережил проигрыш так и не начавшейся предвыборной гонки Ашот, знали, наверное, только очень близкие, но лицо он держал. В итоге бизнесмен вошёл с другой стороны – благодаря подковёрным договорённостям, скупил акции военного стратегического завода, и стал его владельцем. А это уже другой уровень и с такой значимой фигурой должны были считаться не только городские, но и областные представители власти. В какой-то момент армянская диаспора почувствовала себя весьма свободно и вольготно. По национальным традициям это не касалось женщин, у тех вся вольность замыкалась на доме и хозяйстве. А вот мужское население маленькой Армении стало проникать во многие сферы деятельности. Из репортажей по местному телевидению жители узнавали, что Андроника Малагяна назначили тренером по тайскому боксу в школу олимпийского резерва, Рюрика Давтяна поставили заместителем руководителя городского департамента образования, а управление городской транспортной службы доверили сыну самого Ашаняна Георгию – парню тупому и недалёкому и так далее. При департаменте культуры на базе крупнейшего в городе Дворца творчества, начал действовать коллектив песни и танца «Радость» в переводе на армянский «Урахутюн». Не хотели армяне, чтобы их дети, находясь в чужой стране, забывали национальный язык и собственные традиции. И вроде бы всё правильно, так бы и существовали мирно бок обок два народа – русский и армянский. Да и справедливости ради надо заметить, что проживали в области продавцы урюком узбеки, дворники таджики, давно обрусевшие грузины, а про татар и говорить нечего, одно слово татарин, на самом деле русский, только молится по-другому. И даже глянув по знакомым и соседям, немало найдётся Фадееenko, Иванько, Максименко, Краско – украинцы и беларусы братья наши кровные. Только вот незримо разделились многонациональные русские жители и пришлые, стремительно распускающие свои щупальца во все сферы городской деятельности, армяне. Они передвигались по улицам на чёрных «Мерседесах», «Ауди» и «Лексусах», не соблюдая правил дорожного движения, с местными сближались по мере необходимости, в жёны русских не брали, привозили из дальней родины, а свадьбы гуляли шумно, гроыхая замысловатой музыкой, фейерверками и автоматными очередями. Только одно место могло объединить два народа это вера и церковь. Немногие жители ведали, что в 301 году Армения первой приняла христианство в качестве государственной религии, однако большинство знало, что армяне освящают себя крестным знаменем, со словами «Во имя Отца, и Сына и Духа святого, Аминь», правда крестятся не справа налево, а наоборот, слева направо. И только эксперты по делам духовенства владели информацией о том, что, несмотря на мелкие различия в религиозной обрядности, между православием и армянским христианством уже много веков церковное единство не поддерживается. Хоть глобально точки зрения у обоих верований совпадают, молиться на одной территории армяне и русские не могут.

Постепенно быстро богатееущая диаспора начала глухо раздражать местных, и когда обнаружился первый труп тридцатилетнего племянника Ашаняна, многие злобно осклабились, мол, так вам и надо, приехали на русскую землю упыри! Община на полицию особенно не напирала, верхушка, посоветовавшись, решила, что парень сыскал свою смерть сам. Вылезла нелицеприятная информация, что он употреблял наркотики и занимался распространением страшного зелья. Члены диаспоры интенсивно укрепляли свои позиции в городе и совсем не хотели марать репутацию связями с наркотическим и криминальным миром. Дело спустили на

тормозах, а тело заточили в цинковый гроб и отправили в предгорья Арарата. Негоже христианину лежать под чужими камнями, хоть и жил несправедливо. Буквально через неделю недалеко от заброшенной стройки, смотритель, обходивший недостроенный остов, наткнулся на тело молодого мужчины. Личность полиция выяснила тут же – документы находились при покойном. Парень оказался дальним родственником свояка Ашаняна. Вот тут бизнесмен обратился в органы с убедительной просьбой о тщательном расследовании и оперативном поиске убийцы. Тридцатилетний мужчина был женат, имел двоих детей и достойную семью. При расследовании полиция выяснила, что деловая репутация и семейное положение это одно и совсем другое частная, закрытая от общего внимания, жизнь. Парень любил выпить, шумно покутить и поспорить деньгами в злых заведениях с легкомысленными барышнями. Органы внутренних дел расследования по обоим делам не объединяли и пока не имели каких-то значимых результатов.

Диаспора действительно напряглась только тогда, когда обнаружился третий труп из их многочисленной дружной семьи. Пошёл шепоток, а не маньяк ли объявился в городе, который истребляет гордый, независимый народ? Ашанян объявил об усиленных мерах безопасности и направился напрямую к начальнику областного УВД, минуя представителей городских властей. После накачки высшего чина, городская полиция не стала работать лучше, они и так служили на пределе своих возможностей, но рассмотрев все нюансы, дела объединили под началом опытного следователя Аристархова. После всех необходимых процедур, как и в первом случае, тела один за другим отправлялись для погребения на родину. Следствие забуксовало, не находя реальных мотивов, а истребление на национальной неприязни как-то не вязалось со способами расправы над жертвами. Для того чтобы выдавить армян из города можно было бы найти другие рычаги, а тайное, жестокое убийство молодых разухабистых мужчин наталкивало на мысль о ненависти другого рода. Скорее всего, это была месть, но за что?

Каждый новый труп появлялся после предыдущего в течение недели – двух, в разных местах, но с аналогичными признаками удушения, и сами жертвы походили друг на друга возрастом и далеко не добропорядочной теневой жизнью. Днём мужчины от двадцати восьми до тридцати пяти лет трудились, вечерами уделяли немного внимания детям, у кого они были, остальное время проводили в стриптиз клубах, в бешеных гонках на автомобилях, за игровым столом и в закрытых учреждениях по интересам ночного типа. Все они в большей или меньшей степени знали друг друга, но крепкая дружба их не связывала. Как не пытались полицейские определить непосредственную связь между жертвами, этого никак не удавалось, их объединял только национальный признак. Когда обнаружилось пятое тело жертвы, армяне запаниковали и начали собирать чемоданы, но неожиданно всё прекратилось. Аксакалы диаспоры сучили ногами и справедливо требовали найти убийцу или убийц, даже объявили крупную награду за поимку изверга. Черда насильственных смертей произошла в ноябре и в начале декабря, потом неожиданно всё затихло. Армяне затухли и насторожились, они боялись выпускать детей, а женская половина контролировала каждый шаг своих мужчин кормильцев. Разве долго просидишь взаперти, трясясь за собственную жизнь? К Новому году страхи постепенно рассеялись, и жизнь вошла в свою колею. Следствие же ни на день не останавливало маховик и всё же начало пробуксовывать и тормозить. Аристархов в душе радовался, что нет новых жертв, а поимка душителя рано или поздно состоится. У него не может быть иначе, бульдожья хватка ещё никогда не подводила.

Степан Евгеньевич шёл по утренней аллее к месту преступления, перебирал в голове весь ход расследования и задавался вопросом: почему душитель вернулся в конце февраля, через два с половиной месяца затишья? Солнце вышло яркое, словно предупреждая, что весна придёт через пару дней и пора раскладывать по сундукам тёплые вещи. Следователь расстегнул молнию на куртке, прошёл через оцепление и кивнул коллегам, которые неспешно суетились

возле тела грузного мужчины. Труп лежал на спине, широко раскинув руки, чёрные волосы отливали проседью, а смуглая кожа на лице налилась синюшной краской. Из-за спины вынырнула Зоя Провоторова, склонилась над телом на секунду и, удовлетворённо кивнув, нацелила сияющие глаза на Аристархова:

– Точно! – она поднялась и стянула резиновые перчатки. – Шла к машине, и думала, что упустила какую-то мелочь. Догадка подтвердилась.

– Поделитесь? – Аристархов ощупывал глазами место преступления.

– Подождёте отчёт или рассказать о предварительных выводах? – увидев утвердительный кивок, женщина повернулась к трупу. – По расположению тела можно сказать, что верёвку накинули сзади неожиданно. Душитель стягивал петлю на шее и отступал назад, аккуратно укладывая жертву на тротуар. Если бы душитель отклонился на полметра, то в сугробе остались следы, а на замёрзшем тротуаре никаких намёков.

– Он знал убийцу?

– Вариантов два: он мог встретиться с кем-то знакомым, а другой напал сзади или ему назначили встречу именно здесь и накинули верёвку неожиданно. Мне кажется, что первый вариант более вероятен. Мужчина крупный, всё равно бы попытался вырваться. А у него одежда не грязная и не порванная.

– Не исключено, что преступников двое?

Женщина неопределённо кивнула:

– Пока рано утверждать что-то конкретное.

– Странно, почему парк, место проходное, хоть и не центр города. Собачники гуляют, спортсмены бегают.

– Именно спортсмен его и обнаружил. Студент аспирант, – Зоя махнула рукой в сторону арочного выхода из парка, – продрог, я в машину его отправила греться. Он бежит всегда одним маршрутом. В шесть утра наткнулся на тело, сначала решил, что у мужчины сердечный приступ, пытался даже сделать массаж сердца, понял, что сам не справится и вызвал скорую помощь. Врачи диагностировали смерть и позвонили в Управление.

Аристархов отошёл в сторону от чужих ушей, увлёк за собой Провоторову и негромко заговорил:

– Те пятеро армян были достаточно молодые люди, самому старшему нет сорока, а этот явно за пятьдесят. Маньяк изменил правила или вот этот другой национальности?

– Мужчина не блондин это точно и кожа смуглая, волосы тёмные, точнее о его национальной принадлежности выяснить невозможно. Азиаты, африканцы, европейцы отличаются друг от друга, а внутрирасовые деления относительны. Патологоанатом может определить по некоторым признакам регион, в котором мог проживать покойный, например если с обрезанной крайней плотью, то мусульманин. Шахнур Вахинак Азнавурян по национальности армянин, жил и творил во Франции и внешне никак не отличался от среднестатистического француза.

– Кто это?

– Мировая известность пришла к нему как к Шарлю Азнавуру, – глаза Зои снова засветились. – И достиг бы он таких высот, если бы исполнял свои песни на армянском языке, а не на грассирующем французском?

– То, что те пятеро это серия, точно, а этого могли завуалировать под предыдущих жертв? – своим вопросом Степан вернул женщину с небес на землю.

– Не исключено, газеты много и с кровавыми подробностями писали об истреблении армянского народа, словно это турецкий геноцид! Причина, скорее всего, лежит на поверхности, в быту и не касается национальных разногласий. Это моё мнение.

– Вы мне вышлите на телефон фотографии. Позднее уточню в империи Ашаняна, если он из их диаспоры, тогда это одна компания. Нашли что-нибудь в карманах?

– Пусто, документов нет, я с него перчатки сняла, обручального кольца тоже нет. Надо с вещами ещё работать.

– Я заметил, что курточка довольно лёгкая для нашего региона, местные так не одеваются.

– И ботиночки на тонкой подошве, шикарные, приобретены или в дорогом магазине, или изготовлены на заказ.

– Ладно, пойду с операми пообщаюсь, – Аристархов повернулся и бросил через плечо, – Жду отчёт.

Он услышал за спиной хруст льдинок из-под каблучков и, широко шагая, направился в сторону скопления людей в форме. Оперативник Станислав Беликов стоял в стороне и курил, подойдя ближе, Степан Евгеньевич понял, почему оперативная группа разбрелась – санитары грузили тело в специальный автомобиль с фургоном.

– Здорово, – Аристархов протянул руку. Беликов сунул сигарету в рот и пожал холодную сильную ладонь. – Что-то быстро тело в морг отправляете.

– А что его здесь морозить, – хмыкнул своей чёрной шутке следователь, -приехали ещё затемно, с фонарями осмотрели труп и место преступления. Хорошо пошарить решили, когда рассветёт.

– Нашли что-нибудь?

– Пока ничего, но ребята осматривают окрестности и выходы из парка. Там есть газетные ларьки и магазины, но они открываются не раньше восьми. Хорошо, если имеются камеры наблюдения.

– Сам что думаешь?

– А что тут думать, очередного армяшку замочили!

– Возраст вроде не тот, предыдущие моложе были.

– Какая разница, всех их надо или на тот свет, или пусть восвосяи отправляются!

Аристархов посмотрел на оперативника так, словно видел его в первый раз. Крепкий мужик под пятьдесят пять, с седыми висками, зло сверкал белками глаз и нервно курил.

– Зачем ты так? Всё-таки человек, дети, наверное, есть и внуки, судя по возрасту. Страдать будут, оплакивать.

– Их сюда никто не приглашал! – Станислав нервно докурил и светящуюся комету, щелчком забросил в кусты. – Я после Армии с приятелем поехал в город Вагаршапат, это в двадцати километрах от Еревана, обосновался, работу нашёл, женился, обзавёлся жильём. Когда распался Советский Союз, нас армяне оттуда погнали саными тряпками! Бросили всё добро, жильё, бежали с двумя чемоданами, спасая свою жизнь. А сейчас я должен перед ними достархан расстилать? Ещё бы вели себя, как люди, с уважением к местным, так нет, словно приехали в страну второго сорта.

– В те времена почти все социалистические республики вели себя агрессивно относительно русских. Одни прибалтийцы чего стоят.

– Эти побежали в Европу, пятками сверкая, сюда носа не показывают, а с востока здесь как мёдом намазано! Кого только нет – таджики дворы метут, узбеки помидорами торгуют, туркмены в наймилах дома строят, армяне вообще хозяева жизни на нашей земле! Куда русскому деваться?

Аристархов устал за время дежурства и волновался за сына, поэтому пустые рассуждения о социальном неравенстве различных национальностей решил мягко перевести в другое русло:

– Стас, может тебя на другое дело перевести? – Степан заглянул в глубоко посаженные глаза коллеги и хлопнул его по плечу. Несмотря на разницу в возрасте, коллеги общались на равных. – Я перед начальством похлопочу. А то с таким отношением велик риск, наломать дров.

– Всё нормально, – Беликов не обиделся. – Просто накатило с утра, дома проблемы. Я так понял, по этому убийству ты начальник? – Аристархов утвердительно кивнул. – Докладываю предварительные результаты: обнаружен труп неизвестного мужчины без документов и телефона. Задушили его тонкой бечёвкой или шнурком. Убийца сильный, напал со спины, стянул верёвку так неожиданно и резко, что повредил шейные позвонки, от чего голова неестественно завалилась. Следов борьбы не обнаружено. Можно предположить, что мужчина встретился с кем-то, кого знал и не ожидал нападения сзади. А может причина смерти не асфиксия, а сердечный приступ, проступили синие пятна на лице. Точнее скажет патологоанатом.

– Нашли хоть какую-нибудь зацепку?

– Ищем. Ребята осматривают каждый сантиметр парка и роют мусорные баки, может, найдут верёвку. По внешним признакам, убийство из армянской серии.

– Держи меня в курсе. Я отправлю сына в школу, – Аристархов глянул на часы, – если успею, переоденусь и к Ашаняну.

Степан открыл дверь и удивился: из кухни в прихожую тянулся запах яичницы. Он скинул ботинки, повесил куртку на вешалку, сглотнул слюну и шагнул на звук шкворчащих аппетитных жёлтых глаз. Петька не слышал появление родителя. Наушники преграждали звуки извне, только голова нервно дёргалась, поддерживая ритм. Степан наклонился на косяк и наблюдал, как сын, подражая ему, делает дырочки деревянной лопаткой в жидкой массе.

«Совсем взрослый стал, еду сам готовит. Да пора бы уже, тринадцать лет, – мужчина не двигался, ждал, когда Петя сам его заметит. – И не нужны нам посторонние в доме, пусть даже с весёлыми глазами».

Неожиданно Степан спохватился, глянул на часы и громко похлопал в ладоши, привлекая внимание сына.

– Петя, ты в школу не опоздаешь?

– О, привет пап! – мальчик стянул наушники. – Успею, мне ко второму уроку. Я завтрак для нас сделал!

– Отлично, я голодный, как волк!

– Заберёшь меня сегодня после тренировки?

– Угу, – промычал с набитым ртом Степан.

Когда за Петром захлопнулась дверь, Аристархов пристроился на диване посмотреть новости по телевизору. Бессонная ночь дала о себе знать, как он не боролся, голова упала на подушку и погрузилась в глубокую дрему.

К офису Ашаняна Степан Евгеньевич подъехал после обеда. Ему уже приходилось бывать в этом здании, и всё же снова привело в изумление своей нелепостью убранство помещений. Похоже, бизнесмен имел смутное представление о роскоши. В фойе по углам возвышались статуи древнегреческих богов в рост человека, перемежаясь с колоннами, в центре находился бассейн, из которого бил фонтан, лестница с перилами из замысловатых узоров вела на второй этаж, где находились кабинеты сотрудников и приёмная самого Ашаняна. Журчание воды, белый цвет колонн в обрамлении золотых завитков почему-то навевали мысли о греческих банях. Следователь никогда не посещал подобные заведения, да и в Греции бывать не доводилось, а вот картинки в журналах «Гео» он видел.

«Уж не устраивает ли Ашот Саркисович возле бассейна пирушки и встречи для тайных услаждений?» – усмехнулся про себя следователь и, помаячив удостоверением перед носом охранника, быстро поднялся на второй этаж.

Длинноногая, молоденькая секретарша стояла у окна и опрыскивала из пульверизатора целый ряд белых орхидей. Увидев посетителя, поспешила навстречу:

– Здравствуйте, вы по какому вопросу?

– Следователь городского УВД Аристархов. Мне необходимо срочно поговорить с Ашаняном.

– Присаживайтесь. Ашот Саркисович сейчас занят, у него совещание, как только освободится, я доложу.

Следователь ждал недолго. Минут через десять из кабинета выплыла крупная дородная дама с довольным видом. Бизнесмен распахнул перед ней дверь и, в низком поклоне, поцеловал холёную руку. Аристархов узнал в женщине заместителя губернатора по социальным вопросам, в голове мелькнула мысль о том, что бизнес и власть непозволительно близко соприкасаются. Дама снисходительно оглядела присутствующих, поправила причёску, одёрнула юбку и вышла из приёмной.

«Вот дура, так разомлела, что замок на юбке забыла застегнуть!»

Аристархов спрятал ухмылку и шагнул навстречу бизнесмену.

– Вы ко мне? – Ашот Саркисович ещё витал в облаках и сразу не понял абсурдность вопроса. А кого мог дожидаться посетитель, не секретаршу же. Армянин прочистил горло и поправил галстук.

Из-за спины Аристархова выглянула секретарша:

– Это следователь из УВД.

Кабинет бизнесмена совсем не напоминал греческие бани. Сухая деловая обстановка с минимумом мебели. Следователь окинул взглядом светлый офис и заметил дверь.

«За ними, наверное, и хамам, и парилка, и сауна, и диваны, и бар с напитками».

– Что полиции нужно? Нашли убийцу моих людей? – солидный армянин стёр с лица благоговейность, которая сквозила в разговоре с дамой, и превратился в жёсткого, делового человека. Он указал посетителю на кресло. – Присаживайтесь.

– Не совсем, – Степан Евгеньевич сел на краешек и достал из внутреннего кармана телефон. – Сегодня утром в парке на окраине города обнаружен труп мужчины. Документов при нём никаких не нашлось. По предварительным данным, смерть наступила от удушения, как и в предыдущих случаях. Вот почему я у вас. Посмотрите, пожалуйста, фото, – Аристархов протянул телефон.

Бизнесмен листал снимки, вглядываясь в каждую мелочь, и качал головой:

– Мне не знаком этот человек, но это не обязательно, что он не из наших. Диаспора большая, может, приехал к кому-нибудь родственник. Я просто не в состоянии знать всех, – Ашанян вернул телефон и поднялся, показывая тем самым, что аудиенция закончилась. – Сегодня же наведу справки и сообщу результат. Вышлите свои координаты и снимки человека вот на этот номер.

И кто бы сомневался, что бизнесмен не снизойдёт до личного общения. Через три часа после посещения офиса, раздался телефонный звонок. Аристархов находился в кабинете, ожидая отчёты криминалистов и патологоанатома. В трубке услышал знакомый голос секретарши, которая сообщила, о том, что босс просил передать информацию. Следователь услышал шуршание бумаги, скорее всего, девушка искала на столе нужную запись:

– Ещё раз добрый день. Вам просили передать – за последнюю неделю ни к кому из граждан армянской национальности родственники не приезжали, человек с фотографии никому не знаком, – на том конце повисла пауза.

– И это всё?

Следователь подумал, что прервалась связь и, повернув трубку, глянул на дисплей. Слишком коротким оказалось сообщение, и слишком быстро Ашанян навёл справки. За три часа выяснить у многочисленных соотечественников известна, кому-либо личность покойного или нет? Хотя чему удивляться, семьи волнуются за родственников, наверное, со вздохом облегчения рассматривали фотографии и крестились от того, что горькая судьба миновала именно их. Неожиданно трубка оживилась:

– Ещё Ашот Саркисович просил передать, что вы можете обращаться в любое время за помощью разного рода.

Секретарша, не дожидаясь ответа, отключилась. А следователь подумал о том, какую помощь имел в виду бизнесмен? Финансовая поддержка бы не помешала, неплохо бы приобрести пару новейших компьютеров на отдел. Аристархов иронично скривил губы:

«Почему заместителю губернатора по социальным вопросам можно, а полицейским нельзя? Каждый берёт той натурой, в которой нуждается»!

Ещё он подумал, что пока не совсем ясно, радоваться или печалиться тому факту, что убитая личность так и осталась неизвестной. По каким-то причинам маньяк перестал истреблять армян, а может, совершил ошибку и напал на похожего человека или последнее убийство совсем из другой оперы, кто-то пытается подsunуть последний труп под общую серию?

Глава 3

Вольфганг Майершайн сидел в своём саду, курил трубку и наслаждался солнечным днём. Зима медленно уходила, дни становились длиннее и солнечнее. Близость к Балтийскому морю обеспечивала мягкий климат без резких температурных скачков. Зимой редко выпадал снег, и смена времён года проходила без острых перепадов, только иногда, разбушевавшееся море поднимало сильные ветра и подтопляло прибрежные улочки. Вольфганг любил красно – кирпичный город Любек, в котором родился и вырос. Любил за атмосферу старины, которая гармонично сочеталась с современностью. Когда к нему приезжали гости он обязательно проводил экскурсии по старым улицам, угощал марципанами, которыми с давних времён славен Любек, свинными сосисками гриль – «кёреверст», слабо – солёной рыбой «херинг» – селёдкой, а в ресторане обязательно заказывал «айсбайн» с гарниром «сауакрауд», а проще говоря, холодцом из свиной ноги с тушёной кислой капустой. В свои сорок девять мужчина не считал, что достиг каких-то высот, да это и не входило в его планы. Он долго работал главным менеджером морского порта в Травемюнде. Несмотря на то, что дом располагался в двадцати минутах езды от прибрежного района города Любека, туда Вольфганг приезжал только спать. Работа занимала всё время, о чём впоследствии он очень пожалел. Сначала шепнула соседка, потом он выяснил сам – жена изменяла ему напропалую с каким-то полицейским. Причём устраивала адюльтер очень дерзко, прямо в семейном гнезде, на глазах соседей. Он ушёл из дома с грандиозным скандалом, нет, не из-за делёжки имущества, а из-за предательства тех, ради которых он горбатился, не видя белого света. Жена настроила против него детей – подростков, и Майершайн уехал из их жизни на автомобиле с одним чемоданом, снял небольшую квартиру и продолжил днём и ночевать в порту. А что ещё оставалось делать? Обида не давала расслабиться, алкоголь он не очень уважал, оставалась только работа. Мысли всё время крутились возле бывшей семьи. Этот безумный режим работы только для того, чтобы члены его фамилии жили в достатке. Любой каприз выполнялся по щелчку. Новый автомобиль для жены, музыкальные центры, кинотеатры, велосипеды для детей, а так же двухэтажный дом с бассейном в тихом районе Любека, летняя резиденция в Швеции с сауной и моторной яхтой на берегу. Даже жёсткий рабочий график не позволял забыть обиду. В таком режиме прошло несколько лет, пока Вольфганг не свалился с жуткими болями в ногу. Страховая компания оплатила новый титановый сустав, после операции мужчина несколько месяцев передвигался сначала в кресле – каталке, потом с тростью, вскоре избавился и от неё, осталась лишь лёгкая хромота. За время, проведённое в клинике, Майершайн многое передумал, и когда доктор предложил прежде срока выйти на пенсию, оформив инвалидность, пациент, недолго размышляя, согласился. В полную силу, как раньше трудиться он бы уже не смог. Да и для кого напрягаться, а самому хватит той пенсии, которую начислит государство. Проживать в Германии на минималку дороговато, а вот в Турции самый раз. Прекрасный климат для артрозных суставов. Вольфганг перебрался в небольшой турецкий город на берегу Средиземного моря, на скопленные средства приобрёл финскую яхту «Наутикет», зарегистрировал её на местной марине, в ней и поселился, рядом с такими же любителями моря из Англии, России, Норвегии и Голландии. Он бы долго ещё не решился покинуть Турцию, но вынудило здоровье. Требовалась ещё одна операция на другую ногу, а по страховке её могли провести только в немецкой клинике. Ещё некоторые проблемы личного характера заставили продать яхту и вернуться в Любек.

Сейчас он наслаждался погодой и дымком, который струился из коптильного шкафа. Майершайн коптил рыбу. В выходные он специально навещался на длинный причал, где рыбаки выставляли на продажу улов. Сам заядлый рыбак, Вольфганг знал, какая рыба пользуется спросом. Покупал всего несколько угрей – не всем нравился специфический речной

привкус. На копчёную форель, находилось больше желающих, популярностью пользовалась макрель, из которой он вынимал кости и обильно приправлял горчичным горошком, а про золотистую сёмгу и говорить нечего. Для копчения он использовал специальные дрова и стружку. На дне шкафа сначала разводил костерок из нескольких сухих поленьев вишни или яблони, но эти сорта деревьев не давали нужного глубокого аромата. Для дыма он выписывал из Англии щепу бука. Когда жар набирал силу и прогревал внутренности коптильни, в верхних перекладинах размещалась рыба, навешанная на крючья за голову и вымоченная заранее в солёной воде. Периодически коптильщик выдвигал нижний поддон, подбрасывал запашистую стружку, ягоды можжевельника, сосновые шишки и разгребал угли, для пушего смога. В течение пяти часов форель, сёмга и макрель набирали копчёный вкус и золотистый цвет. После рыба перемещалась в глубокий пластиковый бокс. На кухонном столе коптильщик расстилал специальную скатерть и, вынув из каждой рыбёшки крюк, раскладывал тушки рядом. Куски сёмги осторожно вынимал из решётчатого капкана и устраивал рядом. К вечеру рыба пропитывалась терпким запахом кухни и весь дом, да не рыбным, а тонким лесным. Вольфганг обзванивал постоянных клиентов, заворачивал в блестящую фольгу заказы и размышлял: вот если бы он был парфюмером, то обязательно добавлял в некоторые мужские ароматы толику дымка и копчёности.

Он любил это неспешное время. Ещё весна скоро, время перемен. Неожиданно собака, до этого лениво храпящая на своей подстилке потянулась, поднялась и молча, потрусилась к дверям. Если не шумит, не лает, значит, приближается кто-то свой. Он подобрал щенка на турецком каменистом берегу поздней осенью во время сильного дождя. Она затиралась между камней, пытаясь укрыться от холода и воды. Вольфганг направлялся из бара в хорошем подпитии на марину, где находился его дом, его яхта и заметил комок из чёрной шерсти, который трясся от холода и ёжился от порывов ветра. В тот момент мужчина не был уверен, что поступает правильно и нужно ли ему животное, за которое придётся нести ответственность. Но в одну секунду, сердце сжалось, он наклонился, подхватил мокрое тельце, растегнул молнию на куртке и сунул за пазуху. Прежде он напоил гостью молоком и устроил из полотенца лежанку, что станет делать дальше, не думал: будет день, будет пища. Утром понял, что алкоголь сыграл с ним дурную шутку, расслабил и сделал сентиментальным, но увидев собачку, растянувшуюся колбаской на полотенце и сучащей лапками от сновидений о прежней, тяжёлой жизни, понял, что теперь это его собака! Имя долго не выбирал, как можно ещё назвать короткошёрстного щенка с чёрным окрасом? Конечно, Зейтин, в переводе с турецкого оливка. С тех пор они были неразлучны. При переезде в Германию, Вольфганг чипировал животное, поставил необходимые прививки, оформил паспорт и, конечно, забрал с собой.

В дверь постучали костяшками пальцев.

– Открыто, – крикнул хозяин, вытирая руки о фартук.

Не снимая обуви, на кухню вошёл давний друг Зюнке, рядом, виляя хвостом, суежилась Зейтин.

– Аромат на всю улицу, – высокий, пожилой блондин протянул руку для приветствия. – Ну, что готова моя рыбка? Как ты умудряешься придать такой золотистый цвет! – восхитился гость, осматривая ровный рыбный ряд, и сглотнул слюну.

– Заходи, – Вольфганг шуршал фольгой, укладывая свёрток в бумажный пакет. – Пойдём, выпьем пива. Я за целый день угорел возле жаровни.

Хозяин протянул гостю пакет, прихватил из холодильника две бутылки «Туборга» и открыл дверь на веранду. Мужчины расположились в мягких креслах, собака улеглась возле ног. Молчать могли долго, давно знали друг друга и не испытывали неловкости от пауз.

– Ты сдвинулся в поисках? – Зюнке отпил холодный напиток прямо из горлышка и прикрыл рот ладонью, чтобы подавить рвущиеся назад газовые пузырьки.

– Мне кажется, эта история не закончится никогда. Около месяца назад по интернету я нашёл адвоката, который обещал получить дубликат свидетельства о разводе. Он запросил от меня нотариальную доверенность на представление во всех организациях и инстанциях. Документ я получил, в тот же день и тогда же отправил в Россию вместе с оплатой адвокатских услуг. Поверь мне, это не так дорого, как в Германии, но тоже влетело в круглую сумму.

– Верю, а главное не нарваться на мошенника!

– Нет, Павел мужик деловой, договорённости выполнил в срок и достаточно быстро, – Вольфганг посмотрел на свою почти пустую бутылку, вышел и вернулся через полминуты. – Первая бутылка после жары, словно с шипением тушит пожар, а вот вторую можно смаковать. Так вот, примерно через неделю он позвонил и сказал, что Изабель ни в одном из ЗАГСов города документ о разводе не получала!

– Как такое может быть?

– Сам не понимаю!

– Я своими глазами видел свадебные фотографии в Фейсбуке, – приятель качнул головой. – Как она могла выйти замуж в Англии, не имея на руках документа о разводе с тобой?

– Да ты послушай! Я, усомнившись в деловых качествах Павла, нанимаю другого адвоката в этом же городе, уже женщину Ольгу, она проходит весь путь, как и Павел и выдаёт тот же ответ – в записях актов гражданского состояния, факта развода между супругами Майершайн не зафиксировано.

– Она могла получить документ в другом городе?

– Адвокат сказала, что развод можно получить в ЗАГСе того района, где имеется прописка. Ольга выяснила, что Изабель зарегистрирована по прежнему адресу.

– А почему бы адвокату не пойти напрямую к Изабель и не попросить копию свидетельства о разводе?

– Скопированная на ксероксе бумажка не имеет никакой юридической силы. Нужна официальная бумага, полученная в ЗАГСе с номером, с синей печатью, – Вольфганг сделал глоток и вытер рот тыльной стороной ладони. – Не факт, что она находится в России. И ещё Ольга узнала, что моя экс жена на основании свидетельства о браке, полученного в Дании, поменяла фамилию и стала Майершайн.

– И всё же где-то она получила развод?

– Слушай дальше, Ольга предприняла следующее, она сделала запрос в Министерство иностранных дел разобраться в данной ситуации. Я, не в состоянии находиться в бездействии, предпринял следующее: в Фейсбуке залез на страницу экс жены и скопировал все английские фото, которыми она хвасталась перед друзьями. Там я нашёл город, улицу, дом и номера автомобилей. Выяснил, что новый муж у неё полицейский, проживают молодожёны в Манчестере, владеют собственным домом и автомобилем «Додж». В Турции я сдружился с бывшим полицейским из Скотланд-Ярда, вот к нему и обратился. Мы долго разговаривали по телефону. Я поведал историю неудачного брака, и он обещал оказать помощь. Через два дня англичанин выслал адрес с реквизитами манчестерского полицейского участка, а конкретно электронный адрес копа по фамилии Мортимер. До сих пор не знаю, мужчина это или женщина. Уже в который раз я в красках расписал историю женитьбы, трёхмесячной семейной жизни и расставания с русской, приложил фотографии и отправил на электронную почту. Отдать должное этому или этой Мортимер, они проделали кое-какую работу и вскоре отчитались передо мной. Да, Изабель вышла замуж за жителя Великобритании. При регистрации брака предоставила свидетельство о разводе с гражданином Германии Майершайном, то есть со мной. Документ о расторжении брачных отношений выдал Октябрьский районный ЗАГС двенадцатого декабря прошлого года.

Повисла недолгая пауза. Зюнке осмысливал сказанное, потом поставил пустую бутылку на столик между креслами и повернулся к товарищу:

– Как русские говорят, здесь без бутылки не разберёшься! Может, есть, что крепче? Моя Мартина у подруги, так что никто над душой стоять не станет.

Вольфганг закатил глаза, показывая, мол, обижаешь, конечно, всё есть! Через минуту на столике разместились бутылка с виски «Рэд лейбл», бокалы и ведёрко со льдом. Когда горячая жидкость прокатилась вниз, обжигая внутренности, Зюнке смачно выдохнул и вернулся к теме разговора:

– Так эта адвокат Ольга проверила Октябрьский ЗАГС и не нашла документов?

– Именно, – коротко выдохнул Вольфганг. – Я снова попросил её проверить Октябрьский и все остальные ЗАГСы города за двенадцатое декабря, но ответ получил тот же: свидетельства о расторжении брака никакое административное учреждение не выдавало – ни двенадцатого, ни тринадцатого, ни какого другого дня! Для пущей убедительности директор учреждения Октябрьского района выдала справку и заверила росписью и печатью!

– Но как такое может быть?

– И я спросил об этом адвоката из России, на что получил короткий и ясный ответ: женщина вторично вышла замуж на основании подложных документов! Недолго думая, я послал в Манчестер на имя Мортимер письмо с копией документа, полученного от официальных органов России, и в красках расписал, какую мошенницу и аферистку они пригнали. Ответ сразил наповал, – хозяин поднялся и, прихрамывая, вышел в другую комнату, через минуту вернулся в очках с листами бумаги. – Здесь написано на английском языке, буквально переведу на немецкий:

«У нас нет оснований не доверять и устраивать проверку подлинности пакета документов предоставленных мадам Майершайн при заключении брака в Великобритании. Государство охраняет суверенитет граждан, права, личную жизнь и частную информацию».

Английская дверь захлопнулась, эта мошенница останется безнаказанной, а я не получу желанный документ! – Вольфганг отложил бумагу, снял очки и вздохнул. – Но я ещё не сдавался, позвонил ей напрямую на прежний номер, к удивлению мадам взяла трубку. Пришлось собрать волю в кулак, подавить гнев и чётко выложить просьбу, эта мошенница не растерялась и предложила за нотариально заверенную копию о разводе пятьдесят тысяч евро. Вот тогда я уже не сдержал эмоции, обложил нахапку грязной бранью и отключился. Ты знаешь, кажется, она смеялась в ответ.

– Не понимаю, зачем ей это? Разошлись бы миром, оплатил бы ей юридические и почтовые издержки.

– Я тебе объясню. Если документ о разводе подделка, то значит, свидетельство о нашем браке имеет силу. В случае моей смерти у Изабель есть все основания для получения пенсии в Германии. В пенсионном фонде зарегистрировано моё волеизъявление, и никто не станет проверять, жила она со мной последние годы или в другой стране.

– И что, никакого выхода нет?

– Конечно, есть, если закрывается одна дверь, значит, где-то распаивается другая. Придётся нанять немецкого адвоката, который займётся процедурой развода. Этот путь самый трудный, долгий и дорогостоящий. Сначала юрист отправит по адресу в Россию приглашение одной из сторон на процесс, соответственно никто не отзовется, но необходимо выждать определённый срок. Потом публикация в газетах с просьбой к гражданам, которые владеют информацией, о том, что чета Майершайнов не может развестись по какой-то причине. По закону на это нужно ещё около шести месяцев. В итоге канитель затянется примерно на год. Я не могу так долго ждать, врачи торопят с операцией, скоро трудно будет передвигаться самостоятельно.

День катился к вечеру. Аристархов слышал, как в коридоре, прощаясь, расходились по домам коллеги. Он снова задерживался, но надеялся, что ненадолго, хотя спешить некуда, всё равно ждать, когда закончится тренировка у сына. Он обещал забрать его возле спортив-

ной школы после восьми. Степан Евгеньевич глянул на круглые часы, висящие над дверью, и подумал, что время имеет удивительные, эластичные свойства, оно может растягиваться, как резина, а может сжаться, как пружина, а потом выстрелить, да так что ни мозг, ни глаз не в состоянии оценить происходящие перемены. В начале расследования время приобретает характеристики жевательной резинки, оно тянется во все стороны, надувается в мутный шар, а когда достигает информационной наполненности, лопается, показывая ясный результат. Главное терпение и настойчивость. Следователь ждал главного и единственного свидетеля, который обнаружил труп. Выудит из него что-то толковое и полезное, неизвестно, но только он мог заметить важные мелочи, потому что первым попал на место преступления. Игорь Миниханов после окончания Национального исследовательского Университета продолжил обучение в аспирантуре, а чтобы поддержать себя материально, подрабатывал тьютером, а по-русски репетитором или частным преподавателем английского языка.

«Похвально, – рассуждал про себя следователь, просматривая сведения о свидетеле. – Парню всего двадцать пять лет, а уже учится в аспирантуре, сам зарабатывает себе на жизнь и обучение, занимается спортом, владеет языками. Моему бы Петьке такие мозги и целеустремлённость».

В дверь кто-то постучал и, не дожидаясь приглашения, в кабинет почти влетел невысокий парень спортивного телосложения.

– Извините, я немного задержался. Я Игорь Миниханов.

Парень стянул трикотажную шапку с головы и остановился на пороге, не зная, куда двигаться дальше.

– Присаживайтесь, – полицейский указал на стул. – Следователь Аристархов, долго вас не задержу. Расскажите про то утро, когда обнаружили труп мужчины. Вы всегда бегаете одним маршрутом в одно и то же время?

– Именно так! Но я хотел бы начать свой рассказ со времён более чем столетней давности, непосредственно связанной с историей города и того места, где лежал несчастный.

– Вот как? – Степан удивился такой словоохотливости свидетеля. – Вы думаете это как-то связано с сегодняшним днём?

– Уверен! – горячо воскликнул Игорь. – Я окончил Национальный исследовательский Университет, и краеведение моя профессия. Знаете, почему для пробежек я выбрал именно это место? – Миниханов расстегнул куртку. – Хотел проверить некоторые гипотезы.

– Так, так и в чём они заключаются? – Степан незаметно кинул взгляд на круглые часы. Торопиться некуда, до окончания тренировки сына почти два часа. – Насколько я в курсе, парк на окраине старого города, ничем особенным не примечателен.

– Но вы должны знать, что несколько лет назад там уже находили мертвяков.

– Я недавно переехал и ещё не вникал в историю города, – крикнул, немного растерявшись, Степан Евгеньевич.

– Тогда понятно. Трупы находились вроде бы не криминальные, почему-то облюбовали это место самоубийцы. В парке свели счёты с жизнью пара наркоманов, они загнулись от передозировки, как-то случился один повешенный, и скончалась на скамейке девушка. Говорили, что от криминального аборта, вроде вышла от шарлатанки, а до дома так и не добралась. Жители считают это место проклятым.

– Вот даже как!

Не то удивился, не то усмехнулся Аристархов, но свидетель счёл реплику за поощрение и с пылом продолжил:

– Вы знаете, отдельно взятых проклятых мест не существует. Все проклятия связаны именно с вольными или невольными действиями человека. Мы же не считаем лес проклятым или речку, но если в этой речке периодически утопают люди, то место нарекают тёмным. В какой-то степени это суеверие, но зачастую страхи оправданы. Одними из первых «проклина-

телей» считаются древнегреческие боги. Их страшные пожелания всегда исполнялись. Богиня Гея рожала от Урана настолько ужасных детей, что сама содрогалась от их вида. Помните, наверное, одноглазого Циклопа? Вот и остальные родились под стать ему – пятидесяти головые и сторукие. Несмотря на уродливость, Гея любила своих отпрысков, а вот папаша Уран ненавидел детей-великанов и ссылал в недра Земли, не разрешая выходить к свету. Гея страдала от такой несправедливости и уговаривала великанов затеять бунт против отца, но никто не осмелился подняться против воли бога. Только самый младший Кронос вызвал Урана на поединок и оскотил его серпом, – неожиданно рассказчик хихикнул, – теперь вы знаете откуда выражение «серпом по яйцам»! Так вот, Уран в гневе проклял Кроноса и предсказал, что он найдёт свою кончину от рук собственного сына! Кронос, помня проклятия, всячески пытался избежать предсказаний. Когда его жена Рея рожала очередного ребёнка, он проглатывал новорожденного. Богиня решила спасти хоть одно дитя. Она спряталась в пещере и родила Зевса. Вместо новорожденного, Рея дала проглотить мужу камень. Зевс вырос сильным воином и восстал против отца Кроноса. Началась война богов между старшим и младшим поколением за власть над миром. Победили, конечно, молодость и сила.

– Всё это очень интересно, но может, мы перейдём ближе к дню сегодняшнему?

– Займу ваше внимание ещё несколько минут. Ещё в прошлом веке землю, на которой сейчас расположился парк, пытались использовать с толком. Места здесь красивые, недалеко речка с ивовыми кустами, с другой стороны живописное озеро с кувшинками, а главное старейший дом купца Овчинникова. Кстати сказать, парковая территория на старых картах значится, как усадебные угодья, прилегающие к дому. В пятидесятых годах прошлого века, старинное здание хотели снести, но вступились представители городского общества охраны памятников архитектуры. Комиссия забрала дом под свою опеку и зафиксировала, как объект культурного наследия. Периодически выделялись средства на реставрацию. Здание содержалось в относительно хорошем порядке до нового века. Что с ним делать никто не знал, то ли устраивать музей быта прошлого века, на что нужны дополнительные затраты, то ли запустить какую-нибудь контору, на что тоже требовались вложения для дополнительных коммуникаций. В новом веке здание постепенно приходило в упадок. Городские власти не решались разрушить, но и содержать уже отказывались. Как в той поговорке: «и нести тяжело, и бросить жалко»! Решили продать какому-нибудь ценителю старины или нуворишу, реставратору или на худой конец ресторатору, лишь бы сохранить историческое наследие. Однако с таким мрачным багажом на усадьбу с домом купца Овчинникова желающих не нашлось. Когда в мэрию пришёл новый руководитель, с перспективными целями, зелёную зону облагородили, разбили клумбы, поставили скамейки, проложили вдоль реки беговые дорожки и постригли газоны. Однако дурная слава купца Овчинникова не сделала парк популярным местом. Вот и приходят сюда личности, сводящие счёты с жизнью, а сейчас вот и насильственно убитый появился.

– Вы бегаеете здесь, значит, не боитесь?

– Во-первых, я живу совсем рядом, во-вторых, на себе проверяю, существует ли негативная энергетика у этого места.

– Почувствовали?

– Пока не знаю, прислушиваюсь.

– Интересно это всё, но вернёмся к нашим баранам.

– О чём вы хотите спросить? – Миниханов так увлёкся собственными рассказами, что почти забыл, зачем он на самом деле в управлении полиции.

– Вы всегда выходите на пробежку в шесть утра?

– Обычно не раньше восьми, но в это утро появилась подработка, поэтому вышел в шесть, чтобы после принять душ и поесть. Я уже всё рассказывал вашим коллегам. Бежал утром, ещё затемно, на дорожке чуть не споткнулся о тело. Сначала подумал, что мужик пьяный или с

сердечным приступом свалился. Наклонился, потолкал, ударил по щекам пару раз, пощупал пульс на руке. Сразу вызвал скорую. К телу больше не подходил.

– Вы знакомы с этим человеком?

– Нет, я видел его впервые.

– Разглядели его?

– В смысле?

– Говорите, что не знаете мужчину, значит, успели рассмотреть лицо? С собой носите фонарик?

– Вон, в каком смысле. На пробежку кроме телефона из дома с собой ничего не беру, лишняя мелочь в карманах мешает движению, зачастую и тот отключаю, чтобы не отвлекаться. А рассмотрел, потому что аллея освещена фонарями.

– Но в том месте, где лежал труп, достаточно темно, – полицейский внимательно смотрел на краеведа.

Миниханов смутился:

– Я его двигал. Понимаете, в какой-то момент показалось, что он жив, я оттащил тело ближе к свету, буквально на три метра. Когда понял, что уже поздно, вернул назад, знал, что это важно для полиции.

– Н-да, – качнул укоризненно головой полицейский, – для следствия действительно важно, если место преступления никто не трогал.

– Понимаете, какая штука, мы же все люди со своими недостатками. Мог мужик хорошо выпить в гостях, по дороге домой в потёмках, поскользнуться, ударится затылком, потерять сознание и замёрзнуть? – краевед сник. – Так умер мой дядя. Он, конечно, крепко выпивал. Его нашли в двух кварталах от дома, примерно в такой же ситуации. Поэтому я попытался оказать хоть какую-то помощь.

– От него несло алкоголем?

– Отдалённое амбре чувствовалось.

– Вспоминайте, что вы видели на месте преступления? Например, брошенный окурок, выпавшая вещь? Какие вещи были при покойном?

Аристархов знал, что криминалисты ничего не обнаружили при убитом. Протоколы с осмотра места преступления он ещё не читал, а вот свидетель мог увидеть то, что не заметили или пропустили специалисты, даром же трупом елозил по парковой дорожке.

– Я по карманам не шарил и на то, что лежит вокруг, не обратил внимания. Сами же говорите, что в том месте темно.

– Хорошо, – примирительно произнёс полицейский. – Не нервничайте.

– Да я спокоен, – Миниханов неожиданно разозлился, словно его поймали с поличным.

– Мы можем завтра с вами при свете дня проехать на место преступления. Всё же хочется понять, куда вы двигали труп и как потом вернули назад. Покойный мужик довольно крупный.

– Да и я не из хлюпиков. А показать можно. Правда, пока не знаю завтрашний распорядок, утром можем договориться о времени. Я ведь даю частные уроки, мне сидеть некогда, а тем более обивать полицейские пороги. Пока пишу докторскую диссертацию, на постоянную работу не устраиваюсь, нужен гибкий график. Спасает только репетиторство. Жить как-то надо.

– Отлично! Вот мой номер телефона, – Аристархов снова глянул на часы. До встречи с сыном оставалось больше получаса. – А что за история с проклятьем?

Игорь Миниханов уже поднялся и натянул трикотажную шапку, но услышав вопрос, ожил, вернулся на место и стянул головной убор.

– Купец Овчинников фигура историческая и противоречивая. Осип Федотыч сделал немало полезного для города. С его подачи и солидных инвестиций открылась первая общественная больница для граждан. Это здание находится в старом городе, на сегодняшний день

там функционирует станция переливания крови. Медицинское оборудование, по тому времени, не уступало столичным клиникам. Лечили всех, невзирая на сословия и достаток. Докторов купец выписывал учёных из самого, Петербурга, содержание предлагал серьёзное, поэтому многие врачи соглашались переехать на периферию. Так же Овчинников организовал губернский попечительский совет. По содержанию организация напоминала гуманитарный фонд. В дальние и ближние поселения раз в месяц отправлялся библиотечный обоз. Вместе с книгами доставлялись медикаменты, обувь и одежда. В общем, идея купца предвосхитила появление революционных форм просвещения, таких как «красная изба» и «красная яранга». Его благотворительность распространялась во многие сферы – открылась бесплатная начальная школа, привокзальная ночлежка и столовая для малоимущих.

Историк перевёл дух. Аристархов слушал его с большим интересом, не забывая поглядывать на часы.

– И всё же благотворителя кто-то проклял? – полицейский подтолкнул рассказчика к завершению истории.

– Именно так! – спохватился краевед. – Для многих купец являлся образцом для подражания. Владелец крупной мануфактуры, трудолюбив, целеустремлён и далеко не скуп. Единственное, что смущало горожан во внешнем поведении, это холодное отношение к церкви. На службах Овчинников не появлялся, нищим у паперти не подавал, в крестных ходах не участвовал. Только потом стали просачиваться разные кривотолки, но в них предпочитали не верить, пока в усадьбе не вспыхнул настоящий бунт. Однажды многочисленная разъярённая челядь собралась возле особняка с факелами, в жестоком намерении сжечь адское гнездо вместе с хозяином. Тогда и вскрылась правда о городском благотворителе. Многие удивлялись потом, как в одном человеке уживались монстр и человеколюб. Оказывается при свете дня, Овчинников управлял мануфактурой, председательствовал на многочисленных заседаниях, им же организованных фондов, проводил благотворительные мероприятия и аукционы для сбора средств. Зато с приходом ночи, купец предавался разврату, блуду и бесчинствам. Молодые девушки с фабрики боялись его как огня, опасались попадаться в поле зрения ненасытного Сатира. Именно он владел правом первой ночи и не гнушался совсем юными, непорочными созданиями. А уже в пределах собственной усадьбы он и вовсе не знал удержу. Тех, кто восставал против или намеревался сообщить властям про насилия и издевательства, находили утопленным в реке или люди пропадали бесследно. Овчинников мог лично лишить зрения, отрезать ухо, палец, даже отрубить руку, и его не страшило наказание. Купец считал себя неуязвимым, прикрываясь благими делами. После того, как в поле нашли изнасилованную, истерзанную девочку двенадцати лет, народ не выдержал и пошёл с факелами на купеческий дом. Как великий Пушкин написал в «Капитанской дочке»:

«Не дай бог, увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

Озверевший люд уже подпалил пристроенный к зданию флигель, но кто-то вызвал жандармов. Бунтовщиков силой оттеснили от особняка, пламя потушили, а хозяина забрали в участок для сохранения жизни. У жителей города в голове не укладывались жуткие факты, которые обнародовала местная газетёнка. Юркие репортёры собрали множество душераздирающих историй. Буквально через два дня купец превратился в арестанта и всё же до суда дело не дошло. Во многие детали невозможно было поверить, а тем более выносить на смакование судебного разбирательства. Легче всего, сделать монстра сумасшедшим, закормить таблетками до такой степени, чтобы он безвольно пускал слюни и продержат до конца дней в больничном заточении. Так и сделали. Общественное возмущение постепенно погасло. Все бесчинства списали на тяжёлый душевный недуг, что не отменяло тех благих деяний, которыми Овчинников был славен. С душевно больного и спроса нет.

Миниханов замолк на печальной ноте. Следователь поднялся:

– Спасибо за интересную историю, – он закрыл сейф и взял из шкафа куртку. – Вас подвезти? Нам по дороге.

– Было бы отлично! Благодарю.

У же в машине Аристархов, впечатлённый повествованием, спросил:

– Почему в дом так никто не заехал после?

– Дело в том, что Овчинникова мёртвым никто не видел, люди боялись, что купец сам или его дух скитается по особняку и усадьбе. Участок определили под парк, а вот заезжать в здание, желающих нет до сих пор. Люди легко верят в проклятия, страшные истории и таинственность.

Глава 4

Дверь открыла высокая, приятная женщина. Выглядела она лет далеко за пятьдесят, может потому, что в уложенных кудрях путались серебряные пряди. Окинув хозяйку профессиональным взглядом, Ольга отметила, что не только этот штрих старил молодавое лицо. Нависшие верхние веки придавали лицу усталый вид, в уголках глаз собрался веер морщинок, и ладони с тыльной стороны покрывала россыпь пигментных пятен. Смуглая кожа, густые волосы с завитками и слегка навывкате глаза, говорили не о русской крови. Такой типаж скорее имел еврейские или ливанские корни.

– Добрый день, – Ольга улыбнулась, стараясь с первых секунд расположить к себе хозяйку квартиры. Лояльность и услужливость не являлись отличительными чертами женщины, однако профессия внесла свои коррективы в характер. Адвокатская деятельность порой сталкивала с такими персонажами, что порой хоть святых выноси, но она сдерживала раздражение и гнев, зато потом могла крепко выпить, снимая стресс или выместить негатив на муже. Потом лезла мириться, причитая о том, что к нему всякая пакость не имеет отношения, что отрицательная энергия прилипла в зале суда или в ходе общения с клиентом. Муж уговаривал сменить работу, устроиться, например, штатным юристом в какую-нибудь контору или делопроизводителем в администрацию округа, а лучше всего воспитателем в детский сад! Милый вид! Преимуществ масса: от жены будет пахнуть компотом и манной кашей, плюс нормированный рабочий день и избавление от пагубной привычки! Сам он курил, но в удовольствие с чашечкой кофе или под запотевшую рюмку водки. Ольга курила много с не меньшим удовольствием и не собиралась ничего менять ни работу, не свои привычки. – Я могу войти? – адвокат поддалась вперёд.

– Вы по какому вопросу? – статная женщина не двинулась с места. – Если продаёте или распространяете товары, то мы ничего не покупаем, – она сделал шаг назад, чтобы закрыть дверь.

– Пойдите, мне необходимо поговорить о вашей дочери. Я адвокат Ольга Александровна Полупанова, – женщина полезла в сумочку за удостоверением.

– А что с ней случилось? – взгляд женщины не выразил никаких эмоций, но закрывать дверь хозяйка передумала. – Она давно не была здесь, не знаю, чем могу помочь, – дама всё же посторонилась, пропуская гостью внутрь, но, не приглашая дальше порога, скорее всего, чтобы какая-нибудь информация не достигла любопытных соседских ушей. Она взяла удостоверение и, в отсутствии очков, с минуту вглядывалась, щуря глаза, как от яркого света. – Скажите Ольга Александровна, что на этот раз натворила безобразница? Она живая? – хозяйка занервничала. – Хотя, если случилось нечто страшное, пришла бы полиция, а не адвокат. Она попала в тюрьму?

– Успокойтесь. Надеюсь, с Изабель всё в порядке. Дело касается свидетельства о разводе. Вы знали, что ваша дочь была замужем за гражданином Германии?

– К сожалению, нет, она давно не даёт о себе знать, но почему-то меня это не удивляет. Так что не так с этим браком?

– Мой клиент Вольфганг Майершайн хочет получить заверенную копию свидетельства о разводе. Ваша дочь развелась с ним на территории России, документ о расторжении брака

выдал Октябрьский районный ЗАГС двенадцатого декабря прошлого года. В это время она жила у вас?

Хозяйка медленно покачала головой:

– Даже не припомню, когда она гостила здесь в последний раз, но Изабель могла остановиться у каких-нибудь знакомых.

Полупанова заметила, как плечи женщины опустились, и в глазах отразилась печаль. Она, наконец, посторонилась и указала рукой вглубь коридора:

– Снимайте обувь и пройдёте на кухню, там никто не помешает.

Гостья разулась, скинула куртку, но, не решившись открыть панели шкафа-купе, сунула одежду под мышку и проследовала за женщиной. Проходя мимо двери одной из комнат, Полупанова краем глаза заметила мужчину, развалившегося на кровати. Мелькнули догадки – муж пришёл с работы уставший или наоборот собирается в ночную смену, или дядя пьяный. Кто ложится спать в шесть вечера? И всё же для забулдыги квартиры выглядела достойно: современный ремонт, добротная мебель, со вкусом обставленный интерьер, дорогие ковры на полу. Но не это волновало адвоката. По сути, Ольга могла бы и не приходить. Обязательства перед Майершайном выполнены, отработаны все пункты договорённостей. Оплата из Германии пришла вовремя, и нет причины требовать дополнительный гонорар. Всё равно официального свидетельства о разводе не существует в природе. Можно только купить поддельный и переправить клиенту, мастера сделают так искусно, что немецкие власти не подкопаются! Ведь английские правоохранительные органы поверили в фейковый документ, который предоставила Изабель! Вот что значит русские мастера рукодельники, пра-пра-правнуки Левши, подковавшего Блоху! Найти умельца и состряпать новое свидетельство о разводе, дело нехитрое! И всё же адвокат считала приёмы такого рода недопустимыми! А что можно изменить? Остаётся умыть руки, итак сделала всё возможное. Пускай неудачливый муж занимается своим вопросом в Германии, там тоже адвокатов пруд пруди, только берут за услуги раза в три дороже. Но это уже не её проблема!

Полупанова ответила на все вопросы заказчика и закрыла досье. Она размышляла над этим делом ещё пару дней, ей не давал покоя лишь один вопрос: как можно неоднократно выходить замуж за рубежом без всяких оснований, в то же время на родине оставаться незамужней женщиной? В практике никогда не приходилось сталкиваться со столь деликатным и странным положением вещей. Для понимания ситуации, Ольга решила побывать в квартире, где прописана бывшая фрау Майершайн. В свидетельстве о браке, заключённом в Дании адвокат нашла место регистрации жены. Она ничего не знала о семье, родителях и прошлой жизни Изабель, поэтому с порога предположила, что дверь открыла мать.

Сидя на кухне, Ольга незаметно вздохнула и про себя подумала, что пытливый ум до добра не доведёт. Надо ужин мужу готовить, а она выковыривает чужие скелеты из шкафа. Изобразив на лице крайнюю заинтересованность, адвокат спросила:

– Извините, пожалуйста, как я к вам могу обращаться?

– Людмила Абрамовна Зелёнкина, – Женщина ставила на стол чайные чашки. – Ой, я не спросила, что предпочитаете чай или кофе?

– Разницы нет, то, что будете пить вы.

– У меня давление, кофе пью только утром, если позволю себе ближе к вечеру, потом вся ночь насмарку. – Я из старой еврейской семьи Эйхманн, замуж вышла за Зелёнкина. Родственники дико возмущались, а я влюбилась в молодого парня, и плевать было на фамилию, хоть Пупышкин Залупышкин. А мудрость приходит, когда сами становимся родителями. При появлении Изабель, счастью не было предела. Вот она семья! Только позже рассмотрела, что от Зелёнкина ничего хорошего не получится и не родится. Мужем он был так себе, нечета моему отцу – ювелиру. А дочь внешность взяла мою, а внутренности отца.

– Как это выражалось?

– Я потом разобралась, что женился Зелёнкин не из-за большой любви ко мне, а из-за положения, которое обеспечивал отец. Удобно, с комфортом устроиться, вот его главная задача и девиз по жизни. Так и получилось, отец обеспечил нас автомобилем, дачей, квартирой, – Людмила Абрамовна обвела рукой высокие потолки кухни. – Это всё досталось от папы, царствие ему небесное!

Полупанова не хотела углубляться во взаимоотношения и причины обид семьи, между глотками чая, перевела разговор на интересующую тему:

– Ваша дочь давно не живёт с вами?

Зелёнкина, словно не слыша вопроса, а продолжила историю рода:

– Когда отец понял, что от мужа толку ноль, молодой отец не хочет работать и содержать семью, то сначала лишил дачи, потом автомобиля. Я взмолилась, чтобы папа оставил нам хотя бы квартиру. Не могли же мы скитаться по съёмным углам с маленьким ребёнком. Старик очень любил внуку и на радикальный шаг не решился, но финансовое содержание резко сократилось. Я не опустила руки, нашла работу, закончила заочно институт. Вот до сегодняшнего дня тяну все заботы на собственном горбу. А дочь унаследовала отцовский принцип жизни. Окончила школу кое-как и решила подороже себя, ну не то чтобы продать, а устроиться. Я кое-как заставила её окончить курсы массажистов. Думала, пойдёт в профилакторий или в клинику, всё копейка. Да не тут-то было. Она просто собрала вещи и уехала. О её личной жизни я знаю мало. Изабель почти ничего рассказывала. Сначала появлялась, переночует, попросит денег и уедет. Правда звонила часто, но в последнее время и телефон замолк.

– В свидетельстве регистрации брака с Майершайном, Изабель записана не как Зелёнкина. Там значится фамилия, – Ольга нахмурила брови, вспоминая, – Зеmekис.

– Ничего удивительного, значит, до немца она состояла в браке с этим Зеmekисом. Вообще, я удивлена, – горько усмехнулась Людмила Абрамовна, – время изменило девочку. Выйти замуж за иностранца это большой труд. Надо выучить язык, придерживаться определённых манер в поведении. Моя дочь Изабель хотела, чтобы всё доставалось легко. Может, пленяла мужчин женскими качествами, но на одном сексе брак надолго не удержать.

– Не думаю, что она прикладывала определённые усилия для сохранения брака, два замужества и оба привели к разводу. Из рассказа Вольфганга Майершайна я поняла, что именно так и получилось. Когда сексуальное влечение спало, и он разглядел, кого взял в жёны, то быстро изменил решение. Их брак продлился, что-то около трёх месяцев.

– Не густо. Я вон своего тяну всю жизнь, как ношу или крест.

– Не все такие терпеливые, – Полупанова поднялась. – Спасибо за чай. Мне пора.

– Спасибо вам, хоть какие-то новости о девочке. Сами понимаете, родная кровь, – Зелёнкина проводила гостью до дверей. – У меня просьба, позвоните, если появятся новые подробности жизни Изабель, а я в свою очередь сообщу, если что-то выясню. Я как-то встретила в супермаркете Оксану, это лучшая подруга дочери, попытаюсь с ней связаться, вдруг она в курсе передвижений Изабель.

– Конечно, сообщу и с Оксаной могу встретиться, только мне нужен адрес и телефон.

– Одну минуту.

Хозяйка удалилась вглубь квартиры. Пока она отсутствовала, Ольга обулась, накинула куртку и, глянув на себя в одно из зеркал ряда шкафов, подправила помаду на губах и пригладила волосы. У неё никак не получалось выглядеть эффектно к концу рабочего дня. Набегавшись за день, утренний лоск слетал, духи выветривались, лицо теряло свежесть. И как умудряются женщины, держать себя в форме имея детей? Они с мужем хотели пополнение в семье, но специально никаких шагов не предпринимали. Как Бог даст! В любом случае, ещё есть время, ещё только тридцать пять, женщины становятся беременными и в пятьдесят. А ведь она и дочь Зелёнкиных почти ровесницы. Неожиданно в голову пришла мысль, но адвокат не успела её додумать. Вернулась Людмила Абрамовна и протянула листок из блокнота с записями.

– Большое спасибо, – Ольга сунула записи в сумочку и уже толкнула дверь, но снова прикрыла. – Извините, а почему вы назвали девочку таким именем? Не находите, странно звучит Изабель Зелёнкина?

– На имени настоял отец. Изабель Юппер его любимая актриса. Он до последнего надеялся, что внучка прославит фамилию Эйхманн.

– Может ещё не всё потеряно? – Полупанова смотрела на хозяйку дома искренним взглядом, хотя внутри плескался смех. Мошенницу уже ищут за подлог документов, скоро до Интерпола недалеко. – До свидания.

Полупанова вышла из подъезда и огляделась. Возле детской площадки заметила скамейку. Ей хотелось глотнуть вечернего свежего воздуха, подумать и покурить. Сама засмеялась своим несовместимым желаниям – подышать свежим воздухом и выкурить сигарету. И всё же достала из сумочки пачку, сунула в рот вожделенную трубочку, поднесла к лицу зажигалку и с аппетитом втянула в себя табачный, густой дым.

«Так-то лучше, – Ольга выпустила струю. – Зачем позволяю себе втягиваться в это дело! На кой, чёрт сдалась эта подруга Оксана! Что я узнаю? Например, в декабре прошлого года Изабель, мухляя с разводом, останавливалась у подруги, ну и что? От этой информации не тепло и не холодно! Всё, завтра последние шаги наведу в ЗАГС и в паспортный стол. И не ради мошенницы, а чтобы выяснить некоторые правовые закорючки. В дальнейшей работе может понадобится! Куда кривая выведет, брачные международные отношения развиваются, так что знание вопроса может пригодиться!»

Утром, выяснив через интернет график работы, Полупанова отправилась в паспортный стол, который находился в её районе. Пока она не определилась, у какого специалиста получить консультацию – у начальника ОВИРа или в окне, где происходит замена паспортов? Войдя в просторный холл, огляделась и направилась к начальнику, та должна знать всё, в любом случае отправит по адресу. Полупанова удивилась – ни приёмной, ни секретарши, только дверь с табличкой.

«Какая-то неправильная начальница, – усмехнулась Ольга, читая табличку на дверях. – Даже странно, в наше время каждый мелкий клерк, у которого в подчинении несколько человек, старается окружить себя атрибутами значимости».

Она постучала, подождала пару секунд и толкнула дверь. В глаза ударил яркий свет. В просторном кабинете стояла светлая офисная мебель, а через огромное окно пробивалось уже весеннее солнце.

– Вы по какому делу? – хозяйка кабинета перевела взгляд с компьютерного монитора на посетительницу.

Адвокат подошла к столу и за секунду попыталась охарактеризовать начальницу, чтобы дальше составить правильный диалог. Возраст женщины не вмещался в какие-то определённые границы. Свежий цвет лица и блеск в глазах, подсказывал, что начальница занимается спортом и ей немного за тридцать. Однако седина на висках, которая пробивалась у самых корней волос и продольные морщинки на переносице добавляли десяток лет. И всё же, какой бы возраст эта дама не имела, выглядела она очень привлекательно.

– Доброе утро Ирина Игоревна, – Я адвокат Полупанова Ольга Александровна. Вы сможете уделить немного времени? Мне необходима консультация по поводу оформления паспорта?

– Подойдите к любому окну в зале, девочки ответят на все вопросы, – она махнула рукой в сторону выхода и опустила глаза в бумаги на столе.

– Думаю, что только вы сможете помочь. Вопрос в нюансах правового поля, например, какие документы нужны для смены фамилии на основании свидетельства о браке с иностранцем?

Начальница выпрямила спину и сконцентрировала взгляд на посетительнице.

– С чем связан ваш интерес?

– Один иностранец нанял меня для того, чтобы получить документ о разводе, прежде хотелось бы выяснить, как можно легитимизировать брак с гражданином другого государства на территории России? Или этим занимаются в ЗАГСе?

– Это жительница нашего города? Хотя, какая разница, – Ирина Игоревна замолчала на пару секунд, раздумывая, потом поднялась, со скрипом отодвинув стул за спиной. – Я сегодня ещё не завтракала, а скоро уж и обед. Если хотите, мы могли бы поговорить в кафе неподалёку.

– С удовольствием.

Начальник паспортного стола накинула пальто и заперла кабинет.

– Подождите секунду, предупрежу, что приду после обеда, – в операционном зале она подошла к одному окну, что-то быстро сказала и, кивнув головой адвокату, мол, всё в порядке, следуйте за мной, не останавливаясь, вышла на улицу.

Ольга двинулась следом, улавливая тонкий шлейф духов.

– Как вы обходитесь без секретарши?

Женщины остановились на крыльце.

– Сама не знаю, всему виной оптимизация и сокращение, – беззлобно ворчала Ирина Игоревна. – С введением электронных таблю и сайта Госуслуги, штат сотрудников сократился вдвое. Если так пойдёт дело, останусь я и зал автоматов, потом и меня заменят на робота Люсю. Давайте немного прогуляемся, аппетит нагуляем, а потом и в кафе.

Новые знакомые спустились с крыльца и направились в парк. Паспортистка приостановилась и, прищурив глаза, глянула на Ольгу:

– Скажите, что вас интересует, конкретно заключение брака с иностранцем или сам развод, или юридическая сторона и того и другого?

– Да мне интересно всё, начиная с того, где найти заграничного джентльмена? Про ближайшее зарубежье я не спрашиваю, любой таджик или продавец сухофруктами желает приклеиться к местной зазнобе, чтобы не скитаться по съёмным хатам.

– Даже не представляете, как вам повезло, – ухмыльнулась начальница. – Расскажу все аспекты, не только которые касаются правового поля. Несколько лет назад я работала менеджером в туристическом агентстве, находясь в разводе, задумала найти иностранца для создания семьи. На нашей фирме часто проходили рекламные туры. Менеджер оплачивает лишь пятьдесят процентов путёвки, и как турист отдыхает в отеле, потом качественно, в красках преподносит клиентам для продажи. В основном такие туры проходили в Египте, Турции, Мальдивских островах, Тайланде. Это самые популярные направления, куда не нужно заморачиваться с оформлением виз. Таким образом, я решила совместить приятное с полезным, найти жениха, отдохнуть и сделать свою работу в виде буклетов, фотографий и отчётов. Забегу вперёд – некоторой категории «невест» не важна национальность, лишь бы свалить из страны и решить свои финансовые и другие проблемы. Такие готовы выйти замуж за мусульманина, многие потом меняют веру, надевают паранджу, национальную одежду, рожают детей и становятся домохозяйками. Кто не придерживается и не подчиняется мужу, со временем понимают, что турки или египтяне, как мужья совсем негодные. Слишком разные культуры и традиции у наших стран. Они изменяют, не очень любят работу и живут своими мужскими интересами. Исключения есть, но очень редкие. Про тайцев и вьетнамцев вообще не говорю.

Ирина Игоревна улыбнулась и посмотрела на Полупанову:

– Если вам не интересно, я опущу подробности.

– Да что, вы, я словно слушаю захватывающую аудиокнигу!

– Так вот, основная масса девушек, женщин желает получить европейца, реже американца или канадца. Хочу уточнить, что «женихи» не всех европейских стран пользуются популярностью. Например, женщины прежде рассмотрят кандидатуру немца, француза, австрийца, шведа, а уже потом обратят внимания на поляка, болгарина или румына.

– Из-за того, что эти страны не настолько богаты? – догадалась Полупанова.

– Именно! Кому хочется переехать из нужды в другую нужду, где низкие социальные гарантии и плохая медицина.

– А что не так с итальянцами, испанцами, греками?

– Мужчины этих южных национальностей зачастую легкомысленны, любят флиртовать, ухаживать, некоторые даже приглашают в гости, но вступают в официальный брак крайне тяжело. Я много путешествовала и поняла, что познакомиться с иностранцем в отпуске можно, но не факт, что такая встреча приведёт к большему, например к дружбе или к созданию семьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.